

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

КЛУБЪ МЕФИСТО

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Джейн Риццоли и Маура Айлз

Тесс Герритсен
Клуб Мефисто

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Герритсен Т.

Клуб Мефисто / Т. Герритсен — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Джейн Риццоли и Маура Айлз)

ISBN 978-5-389-12948-1

Праздник Рождества всем сулит веселые каникулы, хороводы вокруг нарядной елки и долгожданные подарки. Детектив Джейн Риццоли и патологоанатом Маура Айлз тоже получили «сюрприз» – убийство молодой женщины, произошедшее в сочельник при жутких обстоятельствах... И они настолько напоминают сатанинский обряд, что расследование приходится вести совместно с таинственным обществом под названием «Клуб Мефисто». Кто же совершил преступление: человек в облике зверя или... наоборот? Монстр, кем бы он ни был, начал свою охоту...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-12948-1

© Герритсен Т., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Благодарности	6
1	7
2	10
3	14
4	21
5	28
6	34
7	39
8	41
9	48
10	53
11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тесс Герритсен Клуб Мефисто

Нилу и Мэри

*Уничтожь все души незаконнорожденных и сынов стражей,
потому что они стали причиной того, что люди начали поступать
нечестиво.*

Книга Еноха, X: 14–15, древний еврейский текст, II в. до Р. Х.

Tess Gerritsen

THE MEPHISTO CLUB

Copyright © 2006 by Tess Gerritsen

All rights reserved

© И. Алчеев, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Написать книгу – задача очень непростая, похожая на покорение вершины, до которой, как поначалу кажется, добраться невозможно. Но как бы ни был сложен творческий процесс, всегда ободряет и утешает мысль о том, что рядом с тобой коллеги и друзья. Большое спасибо моему несравненному агенту Мег Рули и всему коллективу Литературного агентства Джейн Ротрозен. Вы всегда были моей путеводной звездой. Я благодарна своему потрясающему редактору Линде Марроу, которая заставит блистать любого писателя, Джине Сентрелло за ее неугасающий восторг и Джилли Хейлперн за любезное внимание. А еще – Селине Уокер из издательства «Трансуорлд», что находится по ту сторону океана, за неослабевающую поддержку.

И наконец, я должна поблагодарить человека, который был рядом дольше всех. Мой муж Джекоб лучше других знает, как тяжело быть супругом писательницы. Но он по-прежнему со мной.

1

«Какая образцовая семейка!..»

Так думал мальчик, стоя возле зияющей могилы своего отца и слушая, как приглашенный священник зачитывал избитые строфы из Библии. В тот жаркий, муторный июньский день оплакать смерть Монтагу Соула пришла лишь жалкая кучка людей, человек десять, – многих из них мальчик уже встречал раньше. Однако последние полгода он провел вдали от дома, в школе-интернате, и некоторых видел впервые. Впрочем, большинство присутствующих его совершенно не интересовало.

Зато дядюшкино семейство очень даже интересовало. Он не сводил с них глаз.

Доктор Питер Соул как две капли воды походил на своего покойного брата Монтагу: такой же сухощавый, с виду интеллигентный, в совиных очках, с темными, заметно редеющими волосами. Его жена Эми, с круглым приятным лицом, тревожно поглядывала на пятнадцатилетнего племянника мужа и крепко прижимала его к себе, словно стараясь утешить в своих объятиях. Их десятилетний сын Тедди был совсем худосочный – кожа да кости. Точная копия доктора Соула, только маленькая, и тоже в совиных очках.

Наконец, была с ними и Лили. Их шестнадцатилетняя дочь.

От жары завитки ее волос, выбившиеся из хвоста, прилипли к лицу. Она как будто чувствовала себя неловко в черном платье – беспрестанно вертелась и, казалось, была готова сорваться с места и бежать куда глаза глядят. Она, наверное, предпочла бы оказаться в любом другом месте, только не на кладбище, где приходилось то и дело отмахиваться от назойливых букашек.

«Они такие простые, такие обыкновенные, – думал мальчик. – И так не похожи на меня». Тут его глаза встретились с глазами Лили, и он вздрогнул. Оттого что угадал в ней родственную душу. В тот миг он даже почувствовал, как ее взгляд погружается в самые мрачные глубины его сознания и ощупывает там самые потайные уголки, куда еще не проникал ни один другой взгляд. Потому что он никому бы этого не позволил.

В тревоге он отвел глаза в сторону. И принялся разглядывать остальных людей, обступивших могилу. Домработницу отца. Адвоката. Двух соседей. И просто знакомых, оказавшихся здесь скорее из соображений приличия, нежели из чувства сострадания. О Монтагу Соуле они знали только, что он скромный ученый, недавно вернулся с Кипра и все время ковырялся в своих книжках и картах да глиняных черепках. На самом же деле они совсем его не знали. Как, впрочем, и его сына.

Наконец отпевание закончилось, и все сборище, похожее на расплывшуюся амебу, медленно поползло к мальчику, готовясь засыпать его словами сочувствия и соболезнованиями по поводу смерти отца. Постигшей его почти сразу же по прибытии в Штаты.

– Во всяком случае, у тебя есть родня, она поможет, – сказал священник.

«Родня? Да уж конечно», – подумал мальчик, глядя на робко приближающегося малыша Тедди, которого сзади подталкивала мать.

– Теперь ты будешь моим братом, – сказал Тедди.

– Я?

– Мама уже приготовила тебе комнату. Рядом с моей.

– Я остаюсь здесь. Буду жить в отцовском доме.

Тедди, сбитый с толку, поглядел на мать:

– Разве он с нами не поедет?

Эми Соул тотчас спохватилась:

– Да как же ты будешь тут один, дорогой! Тебе только пятнадцать. А в Пьюрити тебе, может, так понравится, что ты и уезжать-то никуда не захочешь.

– Моя школа в Коннектикуте.

– Да, но ведь учебный год уже закончился. В сентябре, если захочешь обратно в свой интернат, что ж, пожалуйста. А лето погости у нас.

– Я не буду тут один. Ко мне приедет мама.

Повисла долгая тишина. Эми с Питером переглянулись, и мальчик живо смекнул, о чем они подумали. «Мать давно его бросила».

– Она обязательно приедет за мной, – стоял он на своем.

Тогда дядя Питер мягко заметил:

– Поговорим об этом после, сынок.

Ночью мальчик лежал не смыкая глаз в постели, в отцовском доме и прислушивался к голосам тетушки и дядюшки, шептавшимся внизу, в кабинете. В том самом, где Монтагу Соул корпел последние месяцы над переводом какого-то жалкого клочка папируса. В том самом, где пять дней назад его хватил удар и он умер прямо за рабочим столом. «Этим людишкам не пристало быть там, среди отцовских сокровищ, – думал мальчик. – Они чужие в моем доме».

– ...он же совсем еще ребенок, Питер. Ему нужна семья.

– Не силком же нам тащить его в Пьюрити, раз он не хочет.

– В пятнадцать лет не тебе выбирать – за тебя решают взрослые.

Мальчик встал с постели, тихонько вышел из комнаты. Спустившись по лестнице, он остановился на полпути к кабинету и стал слушать дальше.

– ...а много ли взрослых он знал? Братец твой не в счет. Он же с головой закутывался в свои ветхие пелены, точно мумия, и как будто не замечал, что у него под боком ребенок.

– И как только у тебя язык поворачивается говорить такое, Эми? Брат был хороший.

– Хороший, да бестолковый. Ума не приложу, какой женщине могло взбрести в голову родить от Монти ребенка. А потом оставить мальчишку ему на воспитание! Представить себе не могу женщину, способную на такое.

– Монти воспитал его совсем не плохо. Мальчик в школе круглый отличник.

– И на этом основании ты считаешь братца хорошим отцом? Только потому, что мальчишка круглый отличник?

– К тому же мальчик вполне уравновешенный. Вспомни, как он держался на похоронах.

– Да он просто оцепенел, Питер. Ты заметил за весь день хоть тень волнения у него на лице?

– И Монти был такой же.

– Ты имеешь в виду – хладнокровный?

– Нет, разумный. Рассудительный.

– Да за всем этим у мальчишки, сам знаешь, скрывается горе. Мне жалко его до слез, ведь именно сейчас мать нужна ему, как никто другой. Он упорно считает, что она за ним вернется, но мы-то знаем, что этому не бывать.

– Ничего мы не знаем.

– Мы даже ни разу не видели эту женщину! Единственно, Монти однажды написал из Каира – сообщил, что у него откуда ни возьмись появился сын. Как будто он нашел его в тростнике, словно младенца Моисея...

Тут мальчик услышал, как у него над головой скрипнули половицы, – он глянул вверх, на лестничную площадку. И вздрогнул, заметив, что через перила на него смотрит двоюродная сестра Лили. Она наблюдала за ним, разглядывала его, как невиданную, диковинную зверушку, будто пытаясь понять, опасен он или нет.

– О! – вдруг воскликнула тетя Эми. – Да ты не спишь!

Они с дядюшкой только что вышли из кабинета и, остановившись внизу, у лестницы, смотрели на него. Смотрели с той же едва уловимой тревогой, словно боялись: что, если он ненароком услышал их разговор.

– Как ты себя чувствуешь, дорогой? – спросила Эми.

– Хорошо, тетушка.

– Уже довольно поздно. Может, пойдешь обратно в постель?

Но он не шелохнулся. Стоял на лестнице и думал, каково оно будет жить с этими людишками. Чему у них стоит научиться. Лето можно провести очень даже интересно, а потом за ним приедет мама. И тогда он сказал:

– Тетя Эми, я все решил.

– Ты это о чем?

– О лете и о том, где бы мне хотелось его провести.

Она вдруг предложила самое худшее.

– Только, прошу, ничего не решай второпях! Дом у нас и правда чудесный, стоит у самого озера, и у тебя будет своя комната. Приезжай для начала просто в гости, а там посмотришь.

– Но я уже решил – еду с вами, буду жить у вас.

Тетя вдруг смолкла в нерешительности, словно язык проглотила. Затем ее лицо озарилось улыбкой, она быстро поднялась по лестнице и крепко его обняла. От нее пахло мылом «Дав» и шампунем «Брек». Какая же она все-таки простая – самая обыкновенная! Потом подошел улыбающийся дядя Питер и ласково похлопал его по плечу, приветствуя таким вот своеобразным жестом новообретенного сына. Своими счастливыми улыбками, приторно-липкими, как волокна сахарной ваты, они заманивали его в свой мир, где царили любовь, свет и радость.

– Дети будут просто счастливы, когда узнают, что ты едешь с нами! – воскликнула Эми.

Он глянул наверх – на лестничную площадку, но Лили там уже не было. Она исчезла незаметно. «С ней надо быть начеку, – решил мальчик. – Она точно следит за мной».

– Теперь ты член нашей семьи, – прибавила Эми.

И пока они все вместе поднимались наверх, она уже строила планы на лето. Говорила, куда они его повезут, какой вкуснятиной будут угощать, когда вернуться домой. Она выглядела счастливой, словно и впрямь была на седьмом небе, как мать, воркующая с новорожденным младенцем.

Эми Соул даже не представляла себе, кого они собирались взять с собой.

2

Двенадцать лет спустя

Быть может, это ошибка.

Доктор Маура Айлз стояла у церкви Пресвятой Богородицы и все никак не решалась войти. Прихожане уже давно собрались внутри, а она так и стояла одна во мгле, под снегом, с непокрытой головой. Через закрытую дверь церкви она услышала, как зазвучал орган, как раздалась первые аккорды «Adeste Fidelis»¹, и поняла: все, наверное, уже рассаживаются по местам. Так что, если она хочет к ним присоединиться, пора и ей идти внутрь.

Она немного поколебалась, потому что не принадлежала в полном смысле слова к числу верующих, собравшихся в церкви. Но музыка, надежда согреться и знакомые обряды, способные ободрить и утешить, звали ее. Здесь же, на темной улице, ей было одиноко. Одиноко – в сочельник.

Она поднялась по ступенькам паперти и вошла в здание.

Даже в столь поздний час все скамьи в церкви были заняты: люди сидели семьями, вместе со спящими детишками, которых подняли с постелек ради полуночной мессы. На запоздавшую Мауру покосилось несколько прихожан, и, когда стихла волнующая мелодия «Adeste Fidelis», она прошмыгнула на первое попавшееся свободное место в задних рядах. Но ей почти сразу же пришлось снова встать вместе со всей паствой, поскольку зазвучала вступительная песнь. И к алтарю, творя крестное знамение, подошел отец Даниэл Брофи.

– Да пребудет с вами благодать и мир Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа! – возгласил он.

– И с вами, – проговорила Маура в один голос с остальными прихожанами.

Даже после стольких лет, что она не была в церкви, отклики слетали с ее губ непринужденно: она помнила все с детства, когда ходила в воскресную школу.

– Господи, помилуй. Христе, помилуй. Господи, помилуй...

Даниэл даже не догадывался, что она здесь, а Маура была сосредоточена на нем одном. На его темных волосах и легких движениях, его сочным баритоне. «Сейчас я могу смотреть на тебя без всякого стыда и стеснения, – думала она. – Сегодня это не зазорно».

– Воздай нам радость в Царствии Небесном, где Он пребывает и властвует с Тобою и Духом Святым, Боже единый во веки веков...

Снова примостившись на скамье, Маура услышала глухое покашливание и хныканье измотанных детишек. На алтаре мерцали свечи в ознаменование света и надежды, осиявших эту зимнюю ночь.

Даниэл начал читать:

– «И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям...»

«Святой Лука, – подумала Маура, услышав знакомые строфы. – Врач Лука».

– «...И вот вам знак: вы найдете Младенца в...»

Тут он осекся: взгляд его остановился на Мауре. И она подумала: «Что, не ожидал увидеть меня здесь сегодня?»

Он откашлялся – и стал читать дальше:

– «...вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях».

¹ «Adeste Fidelis» – «Приидите, верные», рождественский гимн (лат.). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.

Хотя теперь он знал, что она сидит среди других прихожан, их взгляды больше не встретились. Ни во время исполнения «*Cantate Domino*»² и «*Dies Sanctificatus*»³, ни во время дароприножения и таинства евхаристии. Когда сидевшие рядом с ней прихожане встали и направились причащаться, Маура осталась на своем месте. Если не веришь – не пристало лицемерить, деля гостию и вино с истинно верующими.

«Тогда зачем я здесь?»

И все же она осталась посмотреть на заключительные обряды, на благословение и напутствие прихожанам.

– Идите с миром, Христос с вами.

– Слава Тебе, Господи, – откликнулись прихожане.

На этом служба закончилась, и люди вереницей потянулись к выходу, застегивая на ходу пальто и куртки, натягивая перчатки. Маура тоже встала и, уже ступив в проход между рядами, заметила, что Даниэл старается привлечь ее внимание. Безмолвно умоляя не уходить. И она снова села, ощущая на себе взгляды проходящих мимо прихожан. Она догадывалась, что они видят, вернее, что пытаются разглядеть. Одинокую женщину, жаждущую пасторского утешения в сочельник.

А может, они заметили еще что-нибудь?

Маура не поднимала на них глаз. И когда церковь почти опустела, взгляд ее устремился вперед – и остановился на алтаре. И она подумала: «Уже поздно, пора бы домой. Да и что толку здесь высидывать».

– Здравствуй, Маура.

Она подняла глаза и поймала взгляд Даниэла. В церкви все еще оставались люди. Органистка собирала ноты, последние хористы облачались в свои пальто, но Даниэл не обращал на них внимания – он смотрел только на Мауру, как будто, кроме нее, в храме больше никого не было.

– Ты давно не приходила, – сказал он.

– Похоже, что так.

– Если точно – с августа. Верно?

«Ты, значит, месяцы считал».

Он присел рядом.

– Я был приятно удивлен, когда увидел тебя здесь.

– Сегодня сочельник, в конце концов.

– Так ты же неверующая.

– Зато люблю церковные обряды и пение.

– И только поэтому пришла? Ради двух-трех гимнов? Пропеть «Аминь» и «Хвала Господу»?

– Просто хотелось послушать музыку. Побывать среди людей.

– Только не говори, что тебе не с кем скоротать вечер.

Она пожала плечами и улыбнулась:

– Ты же знаешь, Даниэл. Я не большая любительница вечеринок.

– Просто я решил... В смысле – подумал...

– Что же?

– Что, наверно, ты будешь не одна. В такой-то вечер.

«А я не одна. Я же с тобой».

Когда мимо проходила органистка с большой нотной папкой, они оба замолчали.

– Доброй ночи, отец Брофи.

² «*Cantate Domino*» – «Воспойте Господу», 98-й псалом (лат.).

³ «*Dies Sanctificatus*» – «Юбилей», рождественская песнь (лат.).

– Доброй ночи, госпожа Истон. Спасибо за чудесную игру.

– Рада была доставить удовольствие, – сказала органистка, напоследок пристально глянув на Маура, и направилась к выходу.

Было слышно, как за ней закрылась дверь, – наконец-то они остались одни.

– Так куда ты запропастилась? – спросил он.

– Ну, сам знаешь, сплошные покойники. Их не становится меньше. Потом, один из наших патологов пару недель назад загремел в больницу, в хирургию, с болями в спине – приходится его подменять. Словом, дел по горло, так-то вот.

– Могла хотя бы позвонить.

– Да, могла.

Он тоже мог, но не позвонил. Даниэл Брофи ни за что не переступил бы черту дозволенного, и, наверное, это было правильно. Ей было достаточно собственного искушения, которого с лихвой хватило бы и на двоих.

– А как у тебя дела? – спросила она.

– Месяц назад отца Роя хватил удар – может, слышала? Пришлось подвизаться еще и полицейским капелланом.

– Да, детектив Риццоли рассказывала.

– Пару недель назад я выезжал на место преступления в Дорчестер. Где застрелили полицейского. Я тебя там видел.

– А я тебя не видела. Мог бы и поздороваться.

– Ну, ты же была занята. Вся в делах, как обычно, – улыбнулся он. – А ты бываешь довольно суровой, Маура. Знаешь?

Она усмехнулась:

– Наверно, отсюда и мои проблемы.

– Проблемы?

– Я отпугиваю мужчин.

– Но меня-то ты не отпугнула.

«Да разве можно? – подумала она. – Тебя ничем не прошибешь».

Маура мельком взглянула на часы и встала.

– Уже поздно, я и так отняла у тебя слишком много времени.

– Нисколько, да и срочных дел у меня нет, – сказал он, провожая ее к выходу.

– В твоей пастве столько душ, и за всеми нужно присматривать. К тому же сегодня сочельник.

– Как видишь, я никуда не спешу.

Маура остановилась. И посмотрела на Брофи. Они стояли в церкви одни, вдыхая запах свечного воска и ладана, знакомый запах детства – таких же сочельников и таких же рождественских служб. Когда появление в церкви еще не вызывало у нее такого душевного смятения, как сейчас.

– Спокойной ночи, Даниэл, – сказала она, поворачиваясь к двери.

– Значит, до новой встречи через четыре месяца? – крикнул он ей вслед.

– Не знаю.

– А я так соскучился по нашим беседам, Маура.

Она снова остановилась, подняв руку и уже собираясь открыть дверь.

– И я тоже. Наверно, поэтому нам больше нельзя беседовать.

– Но ведь мы не сделали ничего предосудительного.

– Пока нет, – тихо проговорила она, глядя не на него, а на тяжелую резную дверь, которая закрывала ей выход.

– Маура, давай не будем бросать все вот так. Разве нельзя поддерживать что-то вроде... – Он вдруг осекся.

Зазвонил сотовый телефон.

Доставая его из сумочки, Маура подумала: телефонный звонок в такое время не сулит ничего хорошего. Ответив на вызов, она ощутила на себе взгляд Даниэла. И ее бросило в дрожь.

– Доктор Айлз, – проговорила она нарочито сухим голосом.

– Счастливого Рождества! – сказала детектив Джейн Риццоли. – Я немного удивилась, не застав тебя дома в это время. Сперва я позвонила туда.

– Я на полуночной мессе.

– Бог ты мой, уже час ночи. Служба что, еще не закончилась?

– Да, Джейн. Закончилась, я уже собралась домой, – ответила Маура тоном, пресекающим дальнейшие расспросы. – Что там у тебя? – тут же спросила она. Потому что уже знала, ей позвонили не за здорово живешь, – значит, она снова понадобилась.

– Адрес – два-десять, Прескотт-стрит. Восточный Бостон. Частный дом. Мы с Фростом тут уже с полчаса.

– Подробности?

– Жертва предположительно одна – молодая женщина.

– Убийство?

– Ну да.

– Звучит самоуверенно.

– Приедешь – сама увидишь.

Маура нажала на отбой и заметила, что Даниэл все еще наблюдает за ней. Однако время рискнуть и наговорить друг другу кучу слов, о которых потом пришлось бы сожалеть, было упущено. Этому помешала смерть.

– Дела зовут?

– Я сегодня работаю. – Она сунула телефон обратно в сумочку. – У меня же здесь из родственников никого, вот я и записалась в добровольцы.

– Именно сегодня ночью?

– Какая разница – подумаешь, Рождество!

Она застегнула воротник пальто и вышла из церкви в ночь. Даниэл пошел следом, остановился у порога и смотрел, как она идет по свежавыпавшему снегу к машине; его белую ризу трепал ветер. Оглянувшись, Маура увидела: он поднял руку и машет ей на прощание.

Он продолжал махать ей вслед даже после того, как ее машина уже тронулась.

3

Сквозь тончайшую пелену падающего снега пробивались мигающие синие огни трех патрульных полицейских машин, давая знать всем проходящим мимо только одно: здесь что-то случилось, что-то ужасное. Маура почувствовала, как царапнула передним бампером по льду, когда припарковывала «лексус» поближе к сугробу, чтобы освободить проезд другим машинам. Впрочем, в такой час, да еще в сочельник, здесь, на узкой улочке, могли появиться разве что такие же машины, как ее, – из свиты Смерти. Какое-то время она собиралась с духом перед долгой, изнурительной работой, глядя точно зачарованная на мерцающие тут и там проблесковые огни. Ноги у нее окоченели, кровь в жилах застыла. «Очнись! – велела она себе. – Пора за работу».

Маура вышла из машины, и резкий порыв холодного воздуха мигом освежил ей голову. И она пошла по свежевывавшему снегу, шуршавшему у нее под ногами, словно ковер из белых перьев. Хотя было уже полвторого ночи, в некоторых домах на улице, с виду довольно скромных, горел свет, и в одном окне, украшенном праздничными фигурками летящих оленей и конфетами, она заметила силуэт любопытствующего соседа – он выглядывал из теплого дома в ночь, которая уже не была ни тихой, ни святой.

– Эй, доктор Айлз! – окликнул Мауру патрульный. Смутно знакомый полицейский в годах. Зато он ее определенно признал. Они все ее узнавали. – Как же это вам так повезло сегодня, а?

– То же самое можно спросить и у вас, офицер.

– Похоже, нам достался несчастливый билет, – улыбнулся он. – С Рождеством, будь оно неладно!

– Детектив Риццоли в доме?

– Да, они там с Фростом делают видеозапись. – Он указал на здание, где во всех окнах горел свет, – приземистый домик, втиснутый между более старыми обветшалыми строениями. – Наверно, они уже готовы к вашему приходу.

Тут до слуха Мауры донеслись какие-то странные звуки – будто бы кого-то сильно рвало. Она бросила взгляд на улицу и увидела светловолосую женщину: та стояла, склонившись к сугробу и подобрав полы длинного пальто, чтобы не испачкать его рвотой.

Патрульный брезгливо фыркнул. И тихонько сообщил Мауре по секрету:

– Из этой выйдет детектив что надо, особенно по убийным делам. Прямо как из «Кегни и Лейси»⁴ сбежала. Все командовала тут. Настырная такая. А после заходит в дом, смотрит одним глазком... ну а дальше вон – высказывает, и на тебе... прямо на снег. – Он расхохотался.

– Я ее раньше не видела. Она что, из отдела убийств?

– Слышал, ее только недавно перевели из отдела по борьбе с наркотиками и проституцией. У них там в комиссариате возникла замечательная идея набрать побольше девиц. – Он покачал головой. – Хотя нет, она тут не задержится. Помяните мое слово.

Женщина-детектив вытерла рот и неуверенно двинулась к ступеням крыльца – там ее снова вырвало.

– Эй, детектив! – кликнул патрульный. – Может, вам держаться подальше от места преступления? Тошните себе на здоровье, только, по крайней мере, не там, где собирают улики.

Стоявший рядом молоденький полицейский хихикнул.

Блондинка резко повернулась, и в свете огней патрульной машины мелькнуло ее мертвенно-бледное лицо.

– Пойду лучше посижу в машине, – пробормотала она.

⁴ «Кегни и Лейси» – популярное полицейское телешоу на канале Си-би-эс в 1982–1988 гг.

– Да уж. Так-то оно лучше, мэм.

Маура наблюдала, как женщина-детектив отступила в тень своей машины. И подумала: «Что же такое ужасное меня там ожидает?»

– Док! – позвал детектив Барри Фрост.

Он секунду назад вышел из дома и стоял на крыльце в ветровке, втянув голову в плечи. Его светлые волосы топорщились, словно он только что с постели. Лицо у него всегда было землистого оттенка, а в желтоватых отблесках висевшего на крыльце фонаря оно казалось и вовсе болезненным.

– Как я понимаю, дело совсем дрянь, – предположила Маура.

– Не то, что ожидаешь увидеть на Рождество. Вот я и подумал: лучше выйти и малость подышать.

Маура остановилась на нижней ступеньке, заметив на припорошенном снегом крыльце беспорядочные следы.

– Ничего, если я пройду?

– Да. Тут наследили только наши, полицейские.

– А как насчет отпечатков по делу?

– Почти ничего.

– Он что, в окно впорхнул и выпорхнул?

– Похоже, тщательно прибрал за собой. Остались следы от метелки.

Она нахмурилась:

– Преступник обращает внимание на детали.

– Ты погляди, что там внутри.

Маура поднялась по ступеням, натянула на ноги бахилы, а на руки перчатки. Вблизи Фрост выглядел еще хуже: на исхудалом лице ни кровинки. Однако он вздохнул и весело предположил:

– Могу проводить.

– Не стоит, побудь лучше на воздухе. Риццоли все покажет.

Фрост кивнул, не глядя на нее: он уставился на улицу с таким напряженным видом, как будто его с души воротило, а он держался из последних сил. Маура оставила его бороться с самим собой и взялась за круглую дверную ручку. Она приготовилась к худшему. Надо же, только что она подъехала в полном изнеможении и тщетно пыталась проснуться, а теперь вот нервы у нее так накалились, будто по ним прошел разряд тока.

Маура ступила в дом. Остановилась, чувствуя, как заколотилось сердце, и оглядела не предвещавшую ничего тревожного обстановку дома. В передней – обшарпанный дубовый пол. Через дверной проем видна гостиная, обставленная дешевой, плохо подобранной мебелью: диван-кровать с продавленным матрасом-периной, кресло с большой круглой подушкой, набитой полистиролом, книжный шкаф, собранный частью из широких обшивочных досок, частью из цельных секций. Ничего такого, что напоминало бы место преступления. Но самое страшное было впереди; она знала, страх затаился здесь, в доме, – это было видно по глазам Барри Фроста и мертвенно-бледному лицу той блондинки, детектива.

Маура прошла через гостиную в столовую и увидела сосновый стол с четырьмя стульями. Однако ее внимание привлекла не мебель, а столовые приборы, расставленные как будто для семейного ужина. На четверых.

Одна широкая тарелка была накрыта льняной салфеткой, забрызганной кровью.

Маура осторожно дотронулась до салфетки. Приподняла за краешек, взглянула на то, что лежало под нею, на тарелке. Затем вдруг бросила салфетку и с тяжким вздохом отпрянула.

– Вижу, нашла кисть левой руки, – послышался чей-то голос.

Маура резко обернулась:

– Фу ты черт, как же ты меня напугала!

– Хочешь испугаться по-настоящему? – сказала Джейн Риццоли. – Тогда пошли.

Она повернулась и повела Мауру через коридор. Джейн, как и Фрост, выглядела так, будто только что встала с постели. Сляксы мятые, темные жесткие волосы спутаны. Правда, в отличие от Фроста, держалась она мужественно и бойко – ее ботинки в бахилах так и шуршали по полу. Из всех детективов, регулярно наведывавшихся в секционный зал, пожалуй, только Джейн и отваживалась близко подходить к столу, чтобы получше разглядеть, что на нем, – вот и сейчас она двигалась по коридору с обычной решимостью. Маура шла следом, опустив голову, и рассматривала брызги крови на полу.

– Держись этой стороны, – попросила Джейн. – Тут остались нечеткие следы, ведут в обоих направлениях. Похоже, от спортивных ботинок. Они едва заметны, и я не хочу ничего затирать.

– Кто сообщил об убийстве?

– Звонили девять-один-один. Сразу после полуночи.

– Откуда?

– Прямо отсюда.

Маура нахмурилась:

– Жертва? Может, пыталась позвать на помощь?

– На линии молчали. Кто-то просто набрал номер и не положил трубку. Первая машина подоспела минут через десять после звонка. Патрульный увидел, что дверь не заперта, зашел в спальню – и пулей обратно.

Джейн остановилась у дверного проема и глянула на Мауру через плечо. Взгляд-предостережение.

– Ну вот, самое страшное – здесь.

«Отрезанной кисти было достаточно, чтобы напугаться».

Джейн посторонилась, позволив Мауре заглянуть в спальню. Жертвы видно не было – кругом была только кровь. В среднем в теле человека ее содержится литров пять. Такого же количества красной краски хватило бы с лихвой, чтобы выкрасить небольшую комнату от пола до потолка. Когда Маура заглянула в дверной проем, больше всего ее поразили невероятные брызги в форме длинных узких дорожек, оставленные рукой какого-то безумца на белых стенах, мебели и белье.

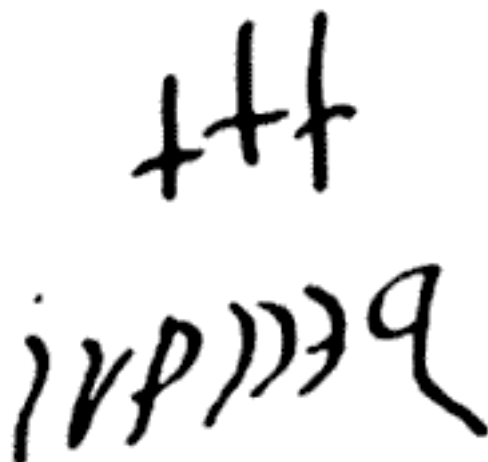
– Артериальная, – заметила Риццоли.

Маура лишь молча кивнула, разглядывая дугообразные кровавые подтеки – кошмар, описанный красным на стенах. Однажды, еще на четвертом курсе медицинского факультета, она стажировалась в отделении неотложной хирургии и видела пациента с огнестрельным ранением, истекавшего кровью на травматологическом столе. У того пациента резко упало кровяное давление, и хирург-стажер с отчаяния начал срочно проводить лапаротомию, надеясь остановить внутреннее кровотечение. Когда он разрезал живот, из брюшной полости фонтаном ударила артериальная кровь и забрызгала халаты и лица других врачей. И в последние лихорадочные секунды, пока они производили откачку и обрабатывали рану стерильными полотенцами, Маура не замечала ничего, кроме крови. Ее лоснящегося глянца и мясного запаха. Она потянулась к брюшной полости, чтобы взяться за ранорасширитель, и тут почувствовала сквозь рукава халата тепло – оно подействовало на нее как успокаивающая ванна. В тот день в операционной Маура впервые увидела, какую сильную струю крови вызывает даже самое слабое артериальное давление.

И сейчас, когда она осматривала стены спальни, ее внимание снова привлекла кровь, которая запечатлела последние мгновения жизни жертвы. «Когда был сделан первый надрез, сердце жертвы еще билось и нагнетало кровяное давление». Туда, на стену, прямо над кроватью, и ударила дугой, точно из пулемета, первая струя крови. Затем, после нескольких сильнейших толчков, дугообразные струи стали ослабевать. Тело, должно быть, пыталось компенсировать

ровать падающее давление – артерии сжимались, пульс учащался. Но с каждым сокращением сердца жертва теряла все больше крови, приближая свою смерть. Когда же наконец давление совсем упало и сердце остановилось, кровотечение почти прекратилось – из тела вытекли последние капли крови. Явление смерти – вот что прочла Маура на стенах и на кровати.

Потом ее взгляд остановился – замер, различив среди всех этих кровавых брызг нечто такое, чего она сперва не заметила. То, от чего у нее по спине вдруг пробежали мурашки. На одной из стен виднелись три перевернутых креста, нарисованные кровью. А под ними – какие-то загадочные знаки:

– Что это значит? – тихо спросила Маура.

– Понятия не имеем. Вот бьемся, пробуем разгадать.

Маура не могла отвести глаз от надписи. К горлу подступил комок.

– Что это, черт возьми, за шарада?

– погоди, тут есть еще кое-что. – Джейн обошла кровать с другой стороны и указала на пол. – А вот и жертва. Вернее, большая ее часть.

Маура тоже обошла кровать и лишь тогда увидела женщину. Та лежала на спине, раздетая. Из-за обескровливания кожа ее была точно гипсовая, и тут Маура вспомнила, как однажды на выставке в Британском музее видела множество разбитых древнеримских статуй. За долгие столетия мрамор потрескался, головы отбились, руки отломались – и в конце концов скульптуры превратились в жалкие безликие обрубки. Сейчас, взглянув на лежащее на полу тело, она увидела то же самое. Разбитую Венеру. Без головы.

– Похоже, здесь ее и убили, на кровати, – предположила Джейн. – Поэтому забрызгало только одну стену, остальная же кровь на матрасе. Затем ее повалили на пол, наверно, потому, что убийце нужна была твердая поверхность, чтобы закончить резню... – Джейн вздохнула и отвернулась, словно дошла до предела и уже не могла глядеть на тело жертвы.

– Значит, говоришь, первая патрульная машина прибыла через десять минут после того, как позвонили девять-один-один, – сказала Маура.

– Точно.

– Да, но на все это – на ампутацию и отсечение головы – ушло бы не десять минут, а куда больше.

– Понятное дело. И звонила, по-моему, не жертва.

Услышав за спиной шаги, они обе обернулись и увидели Барри Фроста: он стоял в дверях, не решаясь войти в спальню.

– Криминалисты пожаловали.

– Пусть заходят, – сказала Джейн и, помолчав, прибавила: – Неважнецки выглядишь.

– А по-моему, я держусь молодцом. Особенно учитывая ситуацию.

– Как там Кассовиц? Оклемалась? Нам тут нужна помощь.

Фрост покачал головой:

– Все еще сидит в машине. По-моему, больше она не выдержит. Пойду лучше схожу за криминалистами.

– Скажи ей, бога ради, чтобы училась сдерживаться! – крикнула ему вдогонку Джейн. – Терпеть не могу, когда женщины ведут себя подобным образом. Это портит всем нам репутацию.

Маура снова посмотрела на пол, где лежало туловище жертвы.

– А вы нашли...

– Все остальное? – уточнила Джейн. – Ах да, левую кисть ты уже видела. А правая – в ванне. Думаю, пора тебе заглянуть на кухню.

– А там что?

– Еще сюрпризы.

Джейн прошла через спальню в коридор.

Маура было двинулась следом и тут вдруг увидела себя в зеркале. Собственное отражение глядело на нее уставшими глазами из-под сплившихся от растаявшего снега темных волос. Она так и застыла на месте – но не оттого, что увидела свое лицо.

– Джейн, – прошептала она, – ты только взгляни!

– На что?

– На зеркало. Знаки... – Маура оглянулась и посмотрела на надпись на стене. – Видишь? Обратное изображение! Это не знаки, а буквы, и прочесть их можно с помощью зеркала.

– Это что, какое-то слово?

– Да. Здесь написано – *Ressavi*.

Джейн покачала головой:

– Даже если изображение перевернуть, мне это все равно ни о чем не говорит.

– Это же латынь, Джейн.

– И что означает?

– *Я согрешил*.

Женщины какое-то время молча смотрели друг на друга. Потом Джейн вдруг усмехнулась:

– Надо же, ну прямо чистосердечное признание! Думаешь, достаточно пропеть пару раз «Аве Мария!» и снова станешь белым и пушистым, после такого-то прегрешения?

– Может, это относится не к убийце. Может, к жертве. – Маура посмотрела на Джейн. – Я согрешила.

– Наказание? – предположила Джейн. – Мечь?

– Мотив вполне возможный. Она натворила что-то такое, что взбесило убийцу. Согрешила против него. Вот он с ней и рассчитался.

Джейн глубоко вздохнула:

– Пойдем на кухню.

Она провела Мауру дальше по коридору. В дверях на кухню остановилась и посмотрела на доктора Айлз – та тоже застыла на пороге, онемев от того, что увидела.

Там, на кафельном полу, был нарисован большой красный круг – рисовали, похоже, мелом. По кругу, в пяти местах, виднелись лужицы расплавленного и застывшего черного воска. «Свечи», – решила Маура. А посреди круга была установлена отрезанная голова – глаза глядели прямо на них.

Круг. Пять черных свечей. «Ритуальное жертвоприношение».

– А ведь мне сейчас нужно возвращаться домой к дочурке, – сказала Джейн. – Утром рассядемся дружно вокруг елки, раскроем подарки, и все будет считать, что на земле царят

мир и покой. Только я не смогу отделаться от мысли... что вот эта штукавина... смотрит на меня. Счастливого Рождества, черт возьми!

Маура проглотила комок:

– Узнали, кто она такая?

– Ну, я пока не притаскивала сюда на опознание ни друзей, ни соседей. «А вы узнали голову на полу в кухне?» Но судя по фото на водительском удостоверении, можно сказать, что это Лори-Энн Такер. Двадцать восемь лет. Шатенка, глаза карие. – Джейн отрывисто рассмеялась. – Сложим вместе все части тела – примерно это и получится.

– Что еще о ней известно?

– Мы нашли у нее в сумочке корешок чековой книжки. Работала в Музее науки. Кем – неизвестно, но судя по обстановке в доме и мебели... – Джейн заглянула в столовую, – зарабатывала негусто.

Тут послышались голоса и шаркающие шаги – пришли криминалисты. Джейн тут же поприветствовала их с присущей ей нарочитой самоуверенностью. Такая вот она, решительная детектив Риццоли, которую все знают.

– Салют, ребята, – сказала она двум криминалистам, которые вместе с Фростом осторожно прошли в кухню. – У нас тут есть для вас кое-что интересное.

– Господи, – прошептал один из криминалистов. – А где же остальное?

– В разных комнатах. Может, хотите начать с... – Она вдруг осеклась и вся напряжилась.

На кухонном столике зазвенел телефон.

Фрост стоял к нему ближе всех.

– Что скажешь? – спросил он, взглянув на Риццоли.

– Ответь.

Рукой в перчатке Фрост осторожно снял трубку.

– Алло! Алло!..

И через какое-то время положил ее обратно.

– Повесили трубку.

– А что на определителе?

Фрост нажал на кнопку просмотра входящих звонков.

– Номер бостонский.

Джейн достала сотовый телефон и взглянула на номер, высветившийся на дисплее кухонного телефона.

– Попробую перезвонить, – сказала она, набирая номер. И стала ждать. Длинные гудки. – Не отвечает.

– Сейчас гляну, может, с этого номера звонили и раньше, – предположил Фрост. И стал отрабатывать звонки в обратном порядке, просматривая все входящие и исходящие номера. – Так, а вот и звонок по девять-один-один. Был в десять минут первого ночи.

– Это наш потрошитель докладывал о проделанной работе.

– А вот еще звонок, перед тем. Номер кембриджский. – Он снова посмотрел на него. – Звонили в двенадцать ноль одну.

– Наш потрошитель что, звонил с этого телефона два раза?

– Если только это был он.

Джейн посмотрела на телефон.

– Дайте-ка подумать. Вот он стоит здесь, на кухне. Он только что прикончил ее и расчленил. Отрезал кисть, руку. Затем водрузил здесь, на полу, голову. Зачем же еще звонить? Может, чтобы похвастаться? Кому же?

– Надо выяснить, – сказала Маура.

Джейн опять позвонила по сотовому – на сей раз по кембриджскому номеру.

– Гудки... Так, там автоответчик... – Она вдруг осеклась и тут же перевела взгляд на Мауру. – Ты не согласишься, когда узнаешь, чей это номер.

– Чей же?

Джейн нажала на отбой и снова набрала номер. И протянула трубку Мауре.

Маура услышала четыре гудка, потом пикнул автоответчик и раздался голос. Очень знакомый, до боли знакомый голос.

«Вы позвонили доктору Джойс О’Доннелл. Поскольку мне хочется узнать, зачем вы звонили, пожалуйста, оставьте сообщение, и я вам перезвоню...»

Маура нажала на отбой и с немалым удивлением воззрилась на Джейн.

– Зачем убийце понадобилось звонить Джойс О’Доннелл?

– Вы шутите, – не поверил Фрост. – Это что, правда ее номер?

– А кто она такая? – поинтересовался один из криминалистов.

Джейн повернулась к нему.

– Джойс О’Доннелл – вампирша, – пояснила она.

4

Рождественское утро Джейн предпочла бы встретить где угодно, только не здесь.

Они с Фростом сидели в ее «субару», припаркованной на Брэтгл-стрит, глядя на большое белое здание в колониальном стиле. Последний раз она была здесь летом, когда перед домом зеленел безупречно ухоженный сад. Сейчас же, в разгар зимы, Джейн лишней раз оценила изящество каждой его детали – от отделки из серого шифера до изысканных резных завитушек на парадной двери. Кованые железные ворота были украшены еловыми ветками и красными лентами, а в переднем окне виднелась сверкающая украшениями елка. «Надо же, – подумала Джейн, – кровопийцы и те справляют Рождество!»

– Если не хочешь, – предложил Фрост, – я сам с ней поговорю.

– Думаешь, не справлюсь?

– Думаю, тебе придется нелегко.

– Нелегко будет удержаться и не придушить ее.

– Вот видишь! И я о том же. Твое отношение к ней – вот в чем проблема. Вас связывает прошлая история, она же определяет и все остальное. Ты не сможешь относиться к ней нейтрально.

– Никто не сможет относиться к ней нейтрально, зная, кто она. Чем она занимается.

– Риццоли, она просто делает то, за что ей платят.

– Этим же занимаются шлюхи.

«Только шлюхи не причиняют вреда», – подумала Джейн, глядя на дом Джойс О’Доннелл. Дом, оплаченный кровью невинно убиенных. Шлюхи не входят, пританцовывая, в зал суда в блестящих костюмах от «Сент-Джона» и не свидетельствуют в защиту безжалостных убийц.

– Я просто хочу сказать – постарайся держать себя в руках, ладно? – произнес Фрост. – Мы не обязаны любить ее. Но и показывать свою ненависть нам нельзя.

– По-твоему, это и есть мой план?

– Погляди на себя. Коготки ты уже выпустила.

– Исключительно в целях самообороны. – Джейн распахнула дверь автомобиля. – Потому что знаю: эта стерва постарается запустить в меня свои.

Джейн вышла из машины и оказалась по икры в снегу, но почти не ощутила заползшего к ней в носки холода; ее озноб был не физического свойства. Она неотрывно смотрела на дом, думала о предстоящей встрече с женщиной, слишком хорошо знакомой с самыми сокровенными страхами Джейн. И лучше, чем кто бы то ни было, знавшей, как на них сыграть.

Фрост распахнул настежь калитку, и они пошли к дому по очищенной от снега дорожке. Каменные плиты обледенели, и Джейн так старалась не поскользнуться, что у лестницы на крыльцо окончательно потеряла уверенность в себе и своей устойчивости. Не самое лучшее состояние для встречи с Джойс О’Доннелл. А тут еще передняя дверь распахнулась, и на пороге выросла сама хозяйка во всей своей красе: светлые волосы – коротко острижены и прекрасно уложены, розовая блузка с воротом на пуговицах и защитного цвета брюки – безупречно облегают спортивную фигуру. Джейн, в своем помятом черном костюме и брюках с промокшими от растаявшего снега отворотами, чувствовала себя жалкой побирушкой у ворот дома знатной сеньоры. «Именно такой она и мечтает меня видеть».

О’Доннелл холодно кивнула:

– Детективы.

Она не сразу пригласила их в дом – какое-то время стояла молча в дверях, показывая всем своим видом, что она здесь полновластная хозяйка.

– Можно? – наконец спросила Джейн, зная, что их все-таки пустят за порог. Что игра уже началась.

О’Доннелл жестом пригласила их войти.

– Не думала, что меня ждет такое Рождество, – сказала она.

– Мы тоже не думали, – парировала Джейн. – А жертва и подавно.

– Я же говорила, все записи на автоответчике стерты, – сказала О’Доннелл, провожая их в гостиную. – Можете все прослушать, правда там уже ничего нет.

С тех пор как Джейн была в этом доме в последний раз, здесь ничего не изменилось. На стенах – та же абстрактная живопись и те же цветастые восточные ковры. Единственной новинкой была рождественская елка. Елки из детства Джейн украшались абы как: ветки провисали под тяжестью плохо сочетававшихся игрушек, редко доживавших до конца Рождества. Те елки сверкали мишурой – целым ее ворохом. Елки из Лас-Вегаса – так их называла Джейн.

На этой же не висело ни одной мишуринки. Не было в этом доме маленького Лас-Вегаса. Вместо мишуры с веток свисали хрустальные призмочки да серебристые слезинки, отбрасывавшие на стены свет зимнего солнца, который распадался на множество крохотных пляшущих зайчиков. «Даже ее чертова елка заставляет меня чувствовать себя неудобно».

О’Доннелл прошла к автоответчику.

– Вот все, что есть, – сказала она и нажала на воспроизведение.

– Новых сообщений нет, – объявил электронный голос.

Она посмотрела на детективов.

– Боюсь, интересующая вас запись пропала. Вчера вечером я, как пришла, сразу прокрутила все сообщения. А когда уходила – все стерла. Потом я получила вашу просьбу ничего не стирать, но было уже поздно.

– Сколько всего было сообщений? – спросила Джейн.

– Четыре. Ваше – последнее.

– Интересующий нас звонок поступил где-то в двенадцать десять.

– Ну да, и номер сохранился здесь, в журнале регистрации. – О’Доннелл нажала на просмотр и отыскала звонок, зарегистрированный в 00:10. – Только вот тот, кто звонил, не сказал ни слова. – Она посмотрела на Джейн. – И никакого сообщения не было, совсем.

– Вы хоть что-нибудь слышали?

– Говорю же – ни слова.

– И никаких внешних шумов? Телевизора или уличного движения?

– Даже ни единого тяжелого вздоха. Только тишина, короткая, потом щелчок – положили трубку. Поэтому я и стерла его. Чего там слушать!

– Может, вам показался знакомым номер звонившего? – спросил Фрост.

– А должен был?

– Это мы у вас спрашиваем, – откровенно съязвила Джейн.

О’Доннелл посмотрела ей прямо в глаза, и в этом взгляде Джейн заметила искру презрения. «Как будто я даже мизинца ее не стою».

– Нет, незнаком, – ответила О’Доннелл.

– А имя Лори-Энн Такер?

– Нет. Кто это?

– Прошлой ночью была убита у себя дома. И звонили вам с ее телефона.

О’Доннелл помолчала. Потом заметила вполне резонно:

– Может, ошиблись номером.

– Не думаю, доктор О’Доннелл. Звонок, похоже, предназначался вам.

– Зачем же было звонить и молчать в трубку? Не исключено, она услышала мой автоответчик, решила, что ошиблась номером, и просто положила трубку.

– Думаю, вам звонила не жертва.

О’Доннелл снова замолчала, на сей раз надолго.

– Ясно, – вдруг сказала она. Подошла к креслу и села, но не потому, что была потрясена. Она выглядела совершенно невозмутимой, сидела в своем кресле, точно императрица на приеме при дворе. – По-вашему, выходит, мне звонил убийца.

– И вас это как будто несколько не тревожит.

– Не понимаю, с чего вдруг я должна тревожиться. Я совершенно не в курсе дела. Может, просветите? – Она махнула рукой на диван, приглашая незваных гостей сесть. То был первый знак радушия, оказанный ею.

«Не иначе как потому, что мы можем выложить кое-что интересное, – подумала Джейн. – Почуяла запах крови. Только на него и клюет».

Диван был ослепительно-белым, и Фрост остановился перед ним в нерешительности, прежде чем сесть, потому как боялся его испачкать. Зато Джейн не колебалась ни секунды. Она плюхнулась на него в своих мокрых от талого снега брюках, не сводя глаз с О’Доннелл.

– Жертва – двадцативосьмилетняя женщина, – сказала Джейн. – Убита прошлой ночью, около полуночи.

– Подозреваемые?

– Пока никого не задержали.

– Значит, кто убийца, вы понятия не имеете.

– Я говорю только, мы пока что никого не задержали. Ищем свидетелей.

– И я одна из них.

– Кто-то звонил вам из дома убитой. Может, даже сам убийца.

– О чем же ему со мной говорить, если это действительно был он?

Джейн подалась вперед:

– Мы обе прекрасно знаем о чем, доктор. О том, чем вы зарабатываете себе на хлеб. У вас, верно, и небольшой такой, миленький клуб поклонников имеется – сплошь одни убийцы, и все водят с вами дружбу. Сами знаете, вы у них знаменитость, у этих душегубов. Вы же великий психоаналитик в юбке и всегда находите общий язык с чудовищами.

– Я пытаюсь их понять, только и всего. Я их изучаю.

– И защищаете.

– Я психоневролог. И гораздо больше подготовлена к выступлениям в суде, чем любой другой специалист. Не каждый убийца должен сидеть в тюрьме. Среди них есть серьезно больные люди.

– Ну да, знаю я вашу теорию. Стоит только трахнуть какого-нибудь парнишку по голове, деформировать фронтальные доли его мозга – и с этого момента он свободен от всякой ответственности за содеянное. Он может убить женщину, разрезать на куски, а вы будете защищать его в суде.

– С той женщиной случилось то же самое? – На лице О’Доннелл мелькнула тревога, глаза мрачно сверкнули. – Ее расчленили?

– Почему вы спрашиваете?

– Просто хочется знать.

– Профессиональное любопытство?

О’Доннелл откинулась на спинку кресла.

– Детектив Риццоли, я опросила тьму убийц. И за многие годы составила обширную статистику мотивов, методов и типов совершенных ими убийств. Так что вы правы – это профессиональное любопытство. – Она задумалась. – Расчленение не такое уж редкое дело. Особенно если таким способом легче избавиться от жертвы.

– В нашем случае причина другая.

– Вы это точно знаете?

– Это ясно как божий день.

- Он что, специально выставил части тела напоказ? Это была инсценировка?
- С чего вы взяли? Или, может, среди ваших шизанутых приятелей есть такой, который уже проделывал подобные фокусы? Может, назовете имя или он у вас такой не один? Вам ведь пишут письма? Ваше имя им известно. Имя доктора, который хочет знать все подробности.
- Если и пишут, то большей частью анонимно. Имен своих не указывают.
- Но письма вы все же получаете.
- И от людей кое-что узнаю.
- От тех же убийц.
- Или выдумщиков. Поди тут разбери, правду они говорят или нет.
- По-вашему, кое-кто просто делится с вами своими фантазиями?
- Которые к тому же, скорее всего, никогда не осуществляются. Просто им бывает невтерпеж выразить свои самые порочные желания. А такие желания есть у всех. Любой, даже самый благоспитанный человек порой придумывает, что бы такое эдакое сотворить с женщиной. Но своими извращенными фантазиями он ни с кем не посмеет поделиться. Держу пари, и у вас в голове водятся кое-какие непристойные мыслишки, детектив Фрост. – Она бросила на него пронзительный взгляд с явным намерением выбить из седла. Но Фрост, надо отдать ему должное, и бровью не повел.
- Кто-нибудь делился с вами в письмах фантазиями, связанными с расчленением? – спросил он.
- Это было давно.
- Но все же было?
- Я уже говорила, расчленение – дело не такое уж редкое.
- В фантазиях или в действительности?
- Так и эдак.
- Так кто же все-таки делился с вами в письмах своими фантазиями, доктор О’Доннелл? – решила уточнить Джейн.
- Хозяйка дома посмотрела Риццоли прямо в глаза.
- Эти письма – вещь конфиденциальная. Именно поэтому люди не боятся поведать мне о своих тайнах. Желаниях, фантазиях.
- Они вам звонят?
- Редко.
- И вы с ними разговариваете?
- Я их не избегаю.
- У вас есть список людей, с которыми вы разговаривали?
- Вряд ли бы у меня получился список. Я не помню, когда это было в последний раз.
- Это было прошлой ночью.
- Ну меня же не было дома, и я не смогла ответить на тот звонок.
- Вас и в два часа ночи не было дома, – заметил Фрост. – Мы вам как раз звонили и попали на автоответчик.
- Так где вы были прошлой ночью? – поинтересовалась Джейн.
- О’Доннелл пожала плечами:
- Не здесь.
- В два часа ночи, в сочельник?
- Я была у друзей.
- А домой когда пришли?
- Около половины третьего, кажется.
- У вас, наверно, замечательные друзья. Может, назовете нам их имена?
- Нет.
- Почему же?

- Разве у меня нет права на личную жизнь? Я что, обязана вам отвечать?
- Расследуется дело об убийстве. Прошлой ночью убили женщину. Это одно из самых жутких мест преступления, где мне приходилось бывать.
- И вам нужно знать, есть ли у меня алиби.
- Просто интересно, почему вы ничего нам не говорите.
- Я что, под подозрением? Или вы стараетесь показать, кто здесь заправляет?
- Вас не подозревают. Пока.
- Значит, я могу вообще не говорить с вами. – О’Доннелл резко поднялась и направилась к двери. – А теперь всего хорошего.
- Фрост тоже было встал, но, заметив, что Джейн даже не шелохнулась, уселся обратно.
- Джейн сказала:
- Если б вам не было наплевать на убитую, если б вы только видели, что он сделал с Лори-Энн Такер...
- О’Доннелл повернулась к ней лицом:
- А вы почему мне ничего не говорите? Что именно с ней сделали?
- Хотите знать подробности, так?
- Это предмет моих исследований. Мне нужно знать подробности. – Она двинулась к Джейн. – Это помогает разобраться.
- «Вернее, возбуждает. Поэтому ты вдруг так заинтересовалась. Тебе просто нейдет».
- Так вы говорите, ее расчленили, – сказала О’Доннелл. – А голову отрезали?
- Риццоли, – попытался предостеречь коллегу Фрост.
- Но Джейн даже не пришлось раскрывать никакой тайны: О’Доннелл сама обо всем догадалась и сделала собственные выводы.
- Голова довольно яркий символ. Очень личный. Совершенно особый. – О’Доннелл подбиралась все ближе, точно хищница. – Он забрал ее с собой в качестве трофея? На память об убийстве?..
- Скажите лучше, где вы были прошлой ночью.
- Или оставил на месте преступления? Там, где она должна была произвести самое сильное впечатление? Где ее нельзя было не заметить? Например, на кухонном столе? Или на полу, на видном месте?..
- Так у кого вы были?
- Это мощный посыл – выставленная напоказ голова, лицом вперед. Таким образом убийца дает вам знать, что он полностью владеет ситуацией. Он показывает, сколь вы бессильны, детектив. И насколько силен он сам.
- «Так у кого вы были?» Как только эти слова слетели с ее губ, Джейн уже поняла, что сделала промах. Она позволила О’Доннелл спровоцировать ее – и сразу вышла из себя. Дала слабину.
- Друзья – мое личное дело, – сказала О’Доннелл. И, усмехнувшись, прибавила: – За исключением одного, и вы его прекрасно знаете. Нашего общего знакомого. Он, видите ли, до сих пор про вас спрашивает. Интересуется, как вы поживаете. – Ей даже не пришлось называть его имя: они обе знали, что речь идет об Уоррене Хойте.
- «Не реагируй! – велела себе Джейн. – Не вздумай показать ей, как глубоко она вонзила когти». Но при этом Риццоли почувствовала, как у нее на лице напрягся каждый мускул, и заметила, что Фрост уже поглядывает на нее с явной тревогой. Шрамы, которые Хойт оставил на руках Джейн, – всего лишь то, что заметно окружающим: у нее были куда более глубокие раны. И даже сейчас, спустя два года, она вздрагивала при упоминании его имени.
- Он большой ваш поклонник, детектив, – вставила О’Доннелл. – И хотя благодаря вам он больше никогда не сможет ходить, неприязни он к вам не испытывает.
- Мне плевать, что он там обо мне думает.

– Я навещала его на прошлой неделе. Он показывал мне подборку газетных вырезок. «Дело Джени», как он это называет. Когда вы прошлым летом оказались в захваченной клинике, он всю ночь не выключал телевизор. Ни на миг. – О’Доннелл немного помолчала. – Он сказал, у вас родилась дочурка.

У Джейн напряглась спина. «Только не давай ей волю. Не позволяй еще глубже впиться в тебя когтями».

– И зовут вашу дочурку, кажется, Реджиной. Верно?

Джейн встала, и, хотя ростом она была ниже О’Доннелл, глаза ее полыхнули так, что та даже отпрянула.

– Мы еще позвоним, – сказала Джейн.

– Звоните сколько хотите, – ответила О’Доннелл, – мне больше нечего вам сказать.

– Врет она все, – буркнула Джейн.

Она дернула дверь машины, скользнула на водительское сиденье. И замерла, уставившись на пейзаж точно с рождественской открытки: на солнце, сверкавшее в сосульках, на облепленные снегом, заиндевевшие дома, убранные венками из ветвей остролиста. На этой улице не хватало только вычурных Санта-Клаусов с оленями да причудливого убранства на крышах, как в Ревере, где она выросла. Джейн вспомнился дом Джонни Сильвы, стоявший чуть поодаль от дома ее родителей, и толпы зевак, съезжавшихся к ним со всей округи, чтобы поглазеть на красочную феерию, которую семейство Сильва устраивало у себя в палисаднике каждый год в декабре. Были там и Санта, и три волхва, и ясли с Марией и Иисусом, и целый зверинец, который запросто потопил бы Ноев ковчег. Все там горело и сверкало, как на карнавале. Столько электричества, сколько семейство Сильва сжигало каждое Рождество, хватило бы с лихвой, чтобы осветить какое-нибудь маленькое африканское государство.

Нет, не было здесь, на Брэттл-стрит, такого яркого зрелища – только сдержанное изящество. Да и Джонни Сильвы с его домочадцами здесь не было. «Уж лучше жить по соседству с недоумком Джонни, – подумала Джейн, – чем с этой женщиной».

– Ей известно об этом деле гораздо больше, чем она говорит.

– Как ты пришла к этому выводу? – спросил Фрост.

– Чутье подсказывает.

– А я думал, ты не доверяешь чутью. Сама же твердишь постоянно. Нет, дескать, ничего лучше удачного предположения.

– Зато я хорошо знаю эту женщину. И что волнует ее больше всего на свете. – Она поглядела на Фроста, казавшегося бледнее обычного в тусклом дневном свете. – Там было еще что-то, помимо ночного звонка убийцы.

– Это просто догадка.

– Зачем она его стерла?

– А почему бы и нет? Раз не оставили никакого сообщения.

– Это она так говорит.

– О-о! Она добралась до тебя. – Фрост покачал головой. – Я так и знал.

– Еще чего!

– А то нет? Стоило ей заговорить о Реджине, как у тебя чуть не вышибло предохранители. Она же психиатр. И умеет задеть за живое. Тебе нельзя больше общаться с ней.

– А кто будет с ней общаться? Ты, что ли? Или соплюшка Кассовиц?

– Тот, кого с ней ничего не связывает. Кого она еще не успела достать. – Барри бросил на Джейн испытующий взгляд, и она отвернулась.

Фрост и Риццоли работали в паре уже два года, но так и не стали близкими друзьями; между ними установилось взаимопонимание, какое бывает не у всех друзей и даже любовников, поскольку им приходилось делить на двоих одни и те же ужасы, радость побед и горечь

поражений. Фрост лучше любого, даже лучше мужа Джейн, Габриэля, знал историю ее отношений с Джойс О’Доннелл.

И с убийцей по прозвищу Хирург.

– Ты до сих пор ее боишься, правда? – спокойно спросил он.

– Она меня просто бесит.

– Потому что она знает, чего ты боишься. И она всегда будет тебе напоминать о нем и при случае стараться вернуть его имя.

– Думаешь, я хоть на секунду испугаюсь какого-то придурка, который теперь не в состоянии и пальцем пошевелить? Который даже пописать не может, пока нянька не подключит к нему мочевыводную трубку? Ну да, я до ужаса боюсь Уоррена Хойта.

– Тебе по-прежнему снятся кошмары?

Этот вопрос вышиб ее из седла. Соврать ему она бы не смогла: он бы мигом ее раскусил. И Джейн не сказала ни слова, просто смотрела вперед – на эту образцовую улицу с ее образцовыми домами.

– А мне бы снились, – сказал он. – Случись со мной такое.

«Так ведь не случилось же, – подумала она. – Это мне к горлу Хойт приставил лезвие, это у меня остались отметины от его скальпеля. Это обо мне он помышляет денно и ночью – спит и видит, что бы эдакое со мной сотворить». Хотя теперь ему уже не добраться до Джейн, от одной только мысли о том, что она является объектом его желаний, у нее по спине пробежали мурашки.

– С чего это мы все о нем да о нем? – спросила Джейн. – Ведь речь об О’Доннелл.

– О них нельзя говорить по отдельности.

– Я больше не собираюсь обсасывать его имя. Давай о деле, ладно? О Джойс О’Доннелл и почему убийца решил позвонить именно ей.

– Мы же не знаем точно, он звонил или кто еще.

– Для любого извращенца разговор с О’Доннелл – все равно что секс по телефону. Они могут поделиться с ней своими гнусными фантазиями, ведь она просто упивается ими, только успевай подавать, и берет все на заметку. Вот он ей и позвонил. Хотел с гордостью поведать о своих подвигах. Хотел найти чуткого слушателя, вот и нашел – лучше не придумаешь. Доктора Смерть. – Джейн резко повернула ключ в замке зажигания и завела машину – из отверстий обогревателя их обдало холодным воздухом. – Вот и позвонил. Чтобы похвастаться. И сполна насладиться ее вниманием.

– Зачем ей было врать?

– А почему бы ей не рассказать, где она была прошлой ночью? Вот и думай теперь, у кого она была. Может, этот самый звонок был приглашением?

Фрост глянул на нее с сомнением:

– Я тебя правильно понял?

– Незадолго до полуночи наш потрошитель разрезает Лори-Энн Такер на куски. Потом звонит О’Доннелл. Она уверяет, что ее не было дома... и сработал автоответчик. А что, если она все же была дома? Что, если на самом деле они мило поболтали?

– Мы же звонили ей в два часа ночи. И она не отвечала.

– Потому что ее уже не было дома. Она сказала, что была у друзей. – Джейн посмотрела на Фроста. – А что, если друг был только один? Великолепный такой, замечательный новоиспеченный дружок.

– Да брось. Неужели, по-твоему, она и впрямь стала бы покрывать этого потрошителя?

– По-моему, она на все способна. – Джейн отпустила педаль тормоза и отъехала от обочины. – На все.

5

– Так Рождество не встречают, – посмотрев на дочь, сказала Анжела Риццоли, которая стояла у плиты.

На конфорках медленно закипали четыре высокие кастрюли, мерно позвякивая крышками – в такт с шумом вырывавшегося из-под них пара, который клубился вокруг намочших от пота волос Анжелы. Она сняла с одной кастрюли крышку и высыпала в кипяток полную тарелку самодельных ньокки. Они шлепнулись со всплеском, возвестившим, что близится начало обеда. Джейн оглядела кухню, заставленную всевозможными блюдами. Больше всего на свете Анжела Риццоли боялась, что в один прекрасный день кто-нибудь уйдет из ее дома голодным.

Но сегодня был явно не тот день.

На рабочем столике красовалась запеченная баранья нога, приправленная орегано и чесноком, а рядом стояла огромная сковорода с жареной картошкой, сдобренной розмарином. Фасолевый салат был единственным вкладом Джейн и Габриэля в общее пиршество. Из кастрюль на плите струились дивные ароматы, в кипящей воде, булькая, переворачивались ньокки.

– Мам, может, помочь? – предложила Джейн.

– Не надо. Ты же с работы. Посиди в комнате.

– Может, сыр натереть?

– Нет-нет. Ты же устала. Габриэль говорит, всю ночь была на ногах. – Анжела быстро помешала в кастрюле деревянной ложкой. – Ума не приложу, зачем было выходить на работу еще и сегодня. Это уж слишком.

– Работа есть работа.

– Так ведь сегодня же Рождество.

– Скажи это всяким злодеям. – Джейн достала из кухонного шкафа терку, взяла кусок пармезана и принялась тереть. Она не могла сидеть на этой кухне сложа руки. – И все-таки почему Майк и Фрэнки тебе не помогают? Ты, поди, с самого утра на кухне.

– Ты же знаешь своих братьев.

– Да, – фыркнула Джейн. «Увы».

В другой комнате по телевизору смотрели футбол, как обычно. Крики мужчин временами сливались с гулом толпы зрителей на стадионе – причиной одобрительных возгласов служил какой-то парень с тугой попкой и мячом из свиной кожи.

Анжела походя глянула на фасолевый салат:

– О, с виду недурственно! Чем приправлен?

– Не знаю. Габриэль делал.

– Повезло тебе, Джени. Попался мужчина, который умеет готовить.

– А ты не корми папулю пару-другую деньков, глядишь, и он научится.

– Да нет, не научится. Он так и помрет за столом в ожидании обеда, который должен появиться сам собой. – Анжела сняла кастрюлю с кипящей водой и перевернула, ссыпав готовые ньокки в дуршлаг. Когда пар рассеялся, Джейн увидела потное лицо Анжелы, обрамленное завитками волос. Снаружи по обледелым улицам всюду гулял ветер – здесь же, на маминой кухне, их лица покраснелись от жара, а окна запотели от пара.

– А вот и наша мамуля, – сказал Габриэль, войдя на кухню с проснувшейся Реджиной на руках. – Смотрите, кто уже встал.

– А она недолго проспала, – заметила Джейн.

– С футболом-то? – усмехнулся Габриэль. – Наша дочурка явно болеет за «Патриотов». Слышали бы вы, как она взывала, когда «Долфинз» им забили.

– Дай-ка ее сюда.

Джейн раскрыла объятия и прижала копошащуюся Реджину к груди. «Всего-то четыре месяца, – подумала она, – а так и норовит вырваться из рук». Несносная малышка Реджина появилась на свет, всюю размахивая кулачками, с лиловым от крика личиком. «Неужели тебе так уж невтерпеж стать взрослой? – удивлялась Джейн, качивая дочурку. – Оставалась бы ты подольше такой вот крошкой, я держала бы тебя на руках, развлекала, а уж после, через много-много лет, ступай своей дорогой».

Реджина схватила Джейн за волосы и больно дернула. Поморщившись, Джейн отцепила маленькие пальчики, взглянула на ручонку дочери. И вдруг представила себе другую руку, холодную и безжизненную. Руку чьей-то дочери – тело ее расчленили, и теперь оно лежит в морге. «А ведь на дворе Рождество. Сегодня я не должна думать о погибшей!» Даже целуя Реджину в шелковистые волосики и вдыхая запах детского мыла и шампуня, она не могла избавиться от воспоминания о другой кухне – от того, что глядело на нее с покрытого плиткой пола.

– Эй, мам, тайм уже закончился. Когда же мы будем есть?

Джейн поглядела на ввалившегося на кухню старшего брата Фрэнки. Последний раз она виделась с ним год назад, когда он прилетал из Калифорнии домой на Рождество. С тех пор его плечи стали еще мощнее. С каждым годом Фрэнки, казалось, раздавался все больше – его мускулистые руки стали до того огромными, что свисали уже не прямо, а дугообразно, как у обезьяны. «Часами ворочал гири в тренажерном зале, – подумала Джейн, – и что это ему дало? Он стал мощнее, но явно не умнее». Она бросила благодарный взгляд на Габриэля, который откупоривал кьянти. Высокий и стройный, не в пример Фрэнки, он напоминал статью скакуна, а не тяжеловеса. «Если у тебя варит голова, – подумала она, – зачем тебе огромные мускулы?»

– Обед через десять минут, – объявила Анжела.

– Значит, до третьей четверти не закончим, – буркнул Фрэнки.

– А почему бы вам, ребята, просто не выключить телевизор? – спросила Джейн. – Ведь это рождественский обед.

– Ну да, мы бы все уже давно поели, если б ты пришла вовремя.

– Фрэнки, – резко оборвала его Анжела, – твоя сестра вкалывала всю ночь напролет. И сейчас вот помогает. Так что отвяжись от нее!

В кухне вдруг стало тихо – брат и сестра удивленно уставились на Анжелу. «Неужели мама вдруг перешла на мою сторону?»

– Ладно. Ну и Рождество у нас! – проворчал Фрэнки и вышел из кухни.

Анжела вывалила ньокки, с которых успела стечь вода, из дуршлага в сервировочную миску и полила дымящимся соусом с телятиной.

– Никакого внимания к тому, что делают женщины, – буркнула она.

Джейн усмехнулась:

– А ты только сейчас заметила?

– Неужто мы не заслуживаем ни капельки уважения? – Анжела взяла нож для резки зелени и принялась мельчить пучок петрушки с дробным стуком, точно пулемет. – Я сама виновата. Надо было с ним поостроже. Хотя на самом деле это все от вашего папаши. Он подавал пример. За всю жизнь не слышала от него ни слова благодарности...

Джейн посмотрела на Габриэля – он, улучив минуту, решил тактично выйти из кухни.

– М-м-м... мам! Папа что, трепал тебе нервы?

Анжела, с зависшим над искромсанной петрушкой ножом в руке, глянула через плечо на Джейн.

– Не нужно тебе этого знать.

– Нужно.

– Не желаю обсуждать эту тему, Джени. Да ни за что. По-моему, любой отец заслуживает уважения своих детей, что бы он там ни вытворял.

– Значит, он все же что-то там вытворял.

– Еще раз говорю, я не желаю обсуждать эту тему. – Анжела сгребла нашинкованную петрушку в кучку и высыпала в миску с ньокки. Потом, громко топая, подошла к двери и возвестила во весь голос, чтобы перекричать телевизор: – Обед готов! Садитесь!

Однако, невзирая на команду Анжелы, прошла не одна минута, прежде чем Фрэнк Риццоли и двое его отпрысков наконец оторвались от телевизора. Закончился очередной тайм, и в перерыве началось представление с длинноногими девочками в коротких юбчонках с блестками. Мужская половина семейства Риццоли, все трое, так и прилипли к экрану. Только Габриэль встал, чтобы помочь Джейн и Анжеле перенести блюда с кушаньями в столовую. Хотя он не вымолвил ни слова, Джейн все прочла по его глазам.

«С каких это пор рождественский стол превратился в поле брани?»

Анжела с шумом водрузила на стол миску с жареным картофелем, прошла в гостиную и схватила пульт. Одним щелчком выключила телевизор.

– Ну, мам! – рявкнул Фрэнки. – Ведь у них будет Джессика Симпсон через десять... – Посмотрев Анжеле в лицо, он мигом прикусил язык.

Майк первым вскочил с дивана. И, ни слова не говоря, покорно прошмыгнул в столовую, а следом за ним угрюмо поплелись его братец Фрэнки и Фрэнк-старший.

Стол был накрыт великолепно. В хрустальных подсвечниках мерцали свечи. Анжела достала голубую с позолотой китайскую фарфоровую посуду, постелила льняную скатерть, поставила новехонькие бокалы для вина, только что купленные в фирменном магазине «Данск». Анжела села и оглядела стол – но не с гордостью, а скорее с досадой.

– Все просто восхитительно, госпожа Риццоли, – похвалил Габриэль.

– Ну, спасибо тебе. Знаю, ты понимаешь, сколько нужно было трудов, чтобы состряпать все это. Ведь ты и сам умеешь готовить.

– Ну, просто у меня не было выбора. Ведь я столько лет промыкался один-одинешенек. – Он прикоснулся под столом к руке Джейн и крепко сжал ее. – А потом мне повезло – я встретил девушку, которая умеет готовить. – «Когда у нее доходят до этого руки», – следовало бы ему прибавить.

– Я научила Джейн всему, что умею.

– Мам, передай ягненка! – попросил Фрэнки.

– Что, прости?

– Ягненка.

– А как насчет «пожалуйста»? Не передам, пока не услышу волшебного слова.

Отец Джейн вздохнул:

– Фу-ты ну-ты, Анжи! Рождество ведь. Просто накорми мальчика – и все.

– Я кормлю этого мальчика уже целых тридцать шесть лет. И он не помрет с голода, оттого что я прошу его быть полюбезнее.

– Гм... мам, – рискнул попросить Майк. – Не могла бы ты, э-э, пожалуйста, передать картошечки? – И он тут же еще раз кротко прибавил: – Пожалуйста!

– Конечно, Майки. – Анжела пододвинула к нему миску с картошкой.

Некоторое время за столом царил тишина. Было слышно только, как усердно работают челюсти да столовое серебро постукивает о фарфоровую китайскую посуду. Джейн посмотрела на отца, сидевшего на одном конце стола, потом на мать – она сидела на другом конце. Родители же друг на друга не глядели вовсе; им вообще было впору разойтись по разным комнатам – до того стали они далеки. Джейн нечасто наблюдала за своими родителями, но сейчас она почувствовала, что это необходимо, однако то, что она увидела, не очень-то ее обрадовало. И

когда только они успели состариться? Когда начали блекнуть мамины глаза, когда папа растерял свою шевелюру, от которой осталось одно лишь название?

Когда они возненавидели друг друга?

– А ну-ка, Джени, расскажи нам, что заставило тебя вкалывать всю прошлую ночь напролет? – попросил папа, поглядывая на дочь. И при этом упорно стараясь не смотреть на Анжелу.

– Гм, да кому это интересно, папа!

– Мне, – вставил Фрэнки.

– Сегодня же Рождество. Думаю, вряд ли...

– Так кого там у вас укокошили?

Джейн поглядела через стол на старшего брата:

– Одну девицу. Не самая приятная история.

– А мне это совсем не противно, – сказал Фрэнки, отправляя в рот кусок розовой ягнатины.

Надо же, старший сержант Фрэнки бросает ей вызов!

– Эта история будет противна. Противнее некуда.

– Девушка была симпатичная?

– Тебе-то что?

– Просто интересно.

– Дурацкий вопрос.

– Почему же? Если она была симпатюлька, легче понять мотив того парня.

– Который ее убил? Боже мой, Фрэнки!

– Джейн, – одернул ее отец, – сегодня же Рождество.

– Но ведь Джейн права, – огрызнулась Анжела.

Фрэнк с изумлением уставился на жену.

– Твоя дочь разводит ругань за праздничным столом, и ты еще на меня нападаешь!

– А ты считаешь, убивают только красоток?

– Мам, я же этого не говорил, – сказал Фрэнки.

– Да, не говорил, – подтвердил отец.

– Зато подумал. Вы оба подумали. Внимания, мол, достойны только красавицы. Любить или убивать женщин интересно, только если они хорошенькие.

– Ну пожалуйста!

– Да что «пожалуйста», Фрэнк? Сам знаешь, так оно и есть. Погляди на себя.

Джейн с братьями посмотрели на отца.

– А зачем на него глядеть? – удивился Майк.

– Анжела, – сказал Фрэнк, – сегодня же Рождество.

– Да, знаю! – Анжела вскочила с места и всхлипнула. – Знаю. – И направилась из столовой в кухню.

Джейн взглянула на отца:

– Что тут происходит?

Фрэнк пожал плечами:

– Сложный возраст для женщины. Жизнь меняется.

– Дело не только в этом! Я хочу узнать, что случилось. – Джейн встала из-за стола и следом за матерью вышла в кухню. – Мам!

Анжела сделала вид, будто не слышит. Она стояла спиной к дочери и взбивала сливки в кастрюльке-нержавейке. Миксер позвякивал о стенки кастрюльки, разбрызгивая по столу белые жирные капли.

– Мам, что с тобой?

– Десерт готовлю. Совсем забыла про сливки, теперь вот взбиваю.

– Что случилось?

– Надо было их приготовить до того, как все сели за стол. Сама знаешь, твой братец Фрэнки весь как на иголках, когда слишком долго ждет следующего блюда. Если он просиживает так больше пяти минут, то его опять тянет к этому злосчастному телевизору. – Анжела взяла сахар, высыпала полную ложку в кастрюльку и снова принялась взбивать сливки. – Хоть Майки старается хорошо себя вести. Даже когда видит плохие примеры. А тут, куда ни глянь, одни плохие примеры.

– Послушай, я же понимаю: что-то не так.

Анжела выключила миксер и, тяжело опустив плечи, уставилась на сливки – они до того загустели, что уже больше походили на масло.

– Тебя это не касается, Джени.

– Все, что касается тебя, касается и меня.

Мать повернулась и посмотрела на нее:

– Быть замужем тяжелее, чем ты думаешь.

– Папа что-то натворил?

Анжела развязала передник и бросила на стол.

– Может, отнесешь торт вместо меня? А то голова что-то разболелась. Пойду наверх, прилягу.

– Mam, давай поговорим.

– Мне больше не о чем говорить. Я не такая мать, как другие. И никогда не заставляла детей вставать на чью-то сторону.

Анжела вышла из кухни и направилась наверх, к себе в спальню.

Джейн в недоумении вернулась в столовую. Фрэнки был занят тем, что поглощал вторую порцию баранины, и на сестру даже не взглянул. Зато Майк посмотрел на нее с тревогой. Фрэнки – тот толстокожий, а Майки – он ясно понял: сегодня в доме случилось неладное. Джейн посмотрела на отца – тот наливал себе остатки кьянти из бутылки.

– Пап, может, ты объяснишь, что все это значит?

Отец отпил большой глоток вина.

– Нет.

– Она очень расстроена.

– Это наше дело, ее и мое, ясно? – Он встал и хлопнул Фрэнки по плечу. – Пошли. Может, еще третий тайм досмотрим.

– Это было самое дурацкое Рождество в моей жизни, – сказала Джейн, когда они возвращались домой.

Реджина уснула на детском сиденье в машине, и Джейн с Габриэлем впервые за весь вечер могли поговорить, ни на кого и ни на что не отвлекаясь.

– Обычно все не так. Я имею в виду – мы часто пререкаемся и все такое, но в конце концов мама обычно распекает нас всех заодно. – Она посмотрела на мужа, но в машине было темно, и его лица было не разглядеть. – Прости.

– За что?

– Ты небось и не думал, когда на мне женился, что попадешь в ту еще семейку – настоящий сумасшедший дом. И теперь, наверно, диву даешься, с кем связался.

– Ну да. Уже подумываю, не пора ли обзаводиться новой женой.

– Ну ведь у тебя возникают такие мыслишки, верно?

– Не смейся, Джейн.

– Черт, случается, что я сама хочу сбежать из этого дома.

– Ну а я решительно не намерен никуда сбежать от тебя. – Габриэль снова посмотрел на дорогу, где в свете передних фар кружила метель. Какое-то время они ехали молча. Потом он сказал: – Знаешь, я никогда не слышал, чтобы мои предки спорили. Ни разу в жизни.

– Валяй, прикладывай дальше. Знаю, моя семейка – куча крикунов.

– Ты родилась в семье, где привыкли выражать свои чувства, только и всего. Твои хлопают дверями, вопят и дико хохочут.

– О, час от часу не легче.

– Жаль, мои предки были не такие.

– Ну да.

– Мои родители, Джейн, никогда не повышали голоса, не хлопали дверями, и смеялись они нечасто. Да уж, семья полковника Дина была слишком дисциплинированна и не имела права на такие простые вещи, как выражение чувств. Не помню, чтобы отец хоть раз сказал «я люблю тебя» мне или маме. Мне пришлось самому учиться это говорить. И я до сих пор учусь. – Он посмотрел на нее. – У тебя.

Джейн прикоснулась к его бедру. Даже этого крутого непроницаемого парня можно кое-чему научить.

– Никогда больше не извиняйся за своих, – продолжал Габриэль. – Ведь благодаря им ты и стала такой.

– Иной раз сомневаюсь. Гляжу на Фрэнки и думаю: Боженька, сделай так, чтобы я оказалась найденышем, которого обнаружили на крыльце.

Габриэль рассмеялся:

– Да уж, вечерок выдался довольно напряженный. Кстати, а что там у них стряслось?

– Не знаю. – Джейн откинулась на спинку сиденья. – Но рано или поздно мы об этом узнаем.

6

Джейн нацепила поверх ботинок специальные бумажные бахилы, набросила хирургический халат и завязала его сзади на поясе на тесемки. Глянув через окошко в секционный зал, она подумала: «Я совсем не хочу туда». Но Фрост уже был там, в халате и маске, закрывавшей лицо лишь наполовину, так что Джейн не могла не заметить его выражения. Помощник Мауры, Йошима, вынул рентгеновские снимки из конверта и разложил их на просмотрном столе. Маура стояла к Джейн спиной, заслоняя то, что лежало на столе и что самой ей видеть совсем не хотелось. Еще какой-нибудь час назад она сидела дома, за столом на кухне, с воркующей Реджиной на руках, а Габриэль готовил завтрак. Сейчас же она чувствовала, как яичница переворачивается у нее в желудке, – ей хотелось скорее сбросить халат и бежать из этого здания на очищающий морозный воздух.

Однако она все равно толкнула дверь и вошла в секционную.

Маура посмотрела на нее через плечо; судя по выражению ее лица, доктор Айлз не испытывала ни малейшего беспокойства по поводу предстоящей процедуры. Как любой другой профессионал, она хорошо знала свое дело. И хотя им обеим приходилось соприкасаться со смертью, Маура была с ней накоротке: ей было проще смотреть смерти прямо в лицо.

– Мы как раз собирались начать, – сказала Маура.

– В пробке пришлось поторчать. Дороги сегодня какой-то кошмар. – Джейн надела маску и направилась к изножью стола. На останки она старалась не смотреть, обратив взор к просмотрному столу с рентгеновскими снимками.

Йошима щелкнул выключателем – загорелись лампы, и высветились изображения на двух рядах пленок. Снимки черепа. Только они совсем не походили на те, что Джейн случалось видеть раньше: там, где должен был находиться шейный отдел позвоночника, она разглядела лишь несколько позвонков... и больше ничего. Одни неровные затемнения – следы мягких тканей в том месте, где была перерезана шея. Джейн представила себе, как Йошима крутил эту самую голову, располагая ее так и эдак, когда делал снимки. Может, она качалась, как береговой сигнальный шар, когда он устанавливал ее на кассете с пленкой и наводил коллиматор?⁵ Джейн отвернулась от просмотрного стола.

И вдруг поняла, что смотрит на стол. На останки, расположенные в анатомическом порядке. Туловище покоилось на спине, а рядом лежали отсеченные части тела – примерно в тех местах, где им следовало быть. Зловещий пазл из плоти и костей, ожидавший, когда его соберут. Хотя Джейн совсем не хотелось смотреть на нее, она была тут как тут – голова, наклоненная чуть влево, как будто убитая повернула ее и глядела в сторону.

– Надо сопоставить края вот этой раны, – сказала Маура. – Поможешь подержать вот так? – Пауза. – Джейн!

Риццоли удивленно посмотрела на Мауру:

– Что?

– Йошима будет делать снимки, а мне нужно посмотреть в увеличитель. – Маура сжала череп руками в перчатках и развернула голову убитой так, чтобы края раны совпали. – Вот так и держи. Надень перчатки и встань с этой стороны.

Джейн посмотрела на Фроста. «Лучше ты, чем я», – говорили его глаза. Она двинулась к изголовью стола. Остановилась, надела перчатки и протянула руки, чтобы обхватить голову трупа. Джейн поймала себя на том, что смотрит убитой прямо в глаза – на роговицы, матовые, словно восковые. За полтора дня в холодильнике плоть остыла, и Джейн, придерживая голову,

⁵ Коллиматор – оптическая система в спектральных и измерительных приборах, в частности медицинских.

почему-то вспомнила мясной прилавок в супермаркете возле ее дома, заваленный морожеными цыплятами в целлофане. Так или иначе, все мы состоим из мяса.

Маура склонилась над раной и принялась рассматривать ее через увеличитель.

– Полоснули, похоже, один раз, спереди. Очень острым лезвием. Зарубки видно только в двух метрах, под ушами. Похоже на маленький хлебный нож.

– Хлебный нож не настолько острый, – заметил Фрост откуда-то издалека.

Джейн подняла глаза и увидела, что он отступил от стола и стоял теперь ближе к раковине, прикрывая рукой маску.

– Под хлебным ножом я имею в виду не лезвие, – пояснила Маура, – а структуру разреза. Повторные срезы уходят вглубь в одной плоскости. Здесь виден один довольно глубокий первичный разрез – от щитовидного хряща до позвоночника. Затем – быстрое расчленение, между вторым и третьим шейными позвонками. Так что на обезглавливание, вероятно, ушло меньше минуты.

Йошима поднес цифровую камеру и сделал несколько снимков предполагаемой раны. Вид спереди, сбоку. Какой ракурс ни возьми – сплошной ужас.

– Так, Джейн, – продолжала Маура, – а теперь взглянем на плоскость разреза. – Она взяла голову и перевернула ее макушкой вниз. – Вот так и держи.

Джейн увидела разрезанную плоть, открытую трахею и, тут же отвернувшись, продолжала держать голову, уже не глядя на нее.

Маура снова прильнула к увеличителю и принялась рассматривать поверхность разреза.

– На щитовидном хряще заметна бороздчатость. Думаю, от зазубренного лезвия. Сделай-ка и тут несколько снимков.

И снова защелкала фотокамера, когда Йошима взялся делать новые снимки. «На пленке останутся и мои руки, – подумала Джейн, – пойдут в одну кучу с другими уликами. Вместе с ее головой».

– Вы говорили... вы говорили, на стену брызнула артериальная кровь, – сказал Фрост.

Маура кивнула:

– В спальне.

– Она была еще жива.

– Да.

– И на это... обезглавливание... ушло всего лишь несколько секунд?

– Острым ножом да умелой рукой убийца, конечно, управился бы и за несколько секунд.

Только с позвоночником ему, верно, пришлось повозиться.

– Значит, она все понимала, так? И чувствовала.

– Сильно сомневаюсь.

– Когда человеку отрезают голову, он находится в сознании секунды две-три, не больше.

Сам слышал в шоу Арта Белла⁶. Он как-то позвал к себе на программу врача, и они обсуждали тему гильотинирования. Так вот, судя по некоторым наблюдениям, человек еще остается жив, когда его голова падает в корзину. Ему даже кажется, что это он сам туда падает.

– Может, и так, только...

– Тот врач сказал, что Мария Шотландская⁷ даже пыталась разговаривать после того, как ей отрубили голову. У нее все еще шевелились губы.

– Черт возьми, Фрост! – воскликнула Джейн. – Мне и так достаточно ужасов!

– Но ведь такое возможно? То, что эта бедняга чувствовала, как ей отрезают голову?

⁶ *Арт Белл, или Артур Белл* (р. 1945) – популярный американский радиоведущий, создатель нескольких авторских программ, посвященных, в частности, паранормальным явлениям.

⁷ Имеется в виду шотландская королева Мария Стюарт (1542–1578).

– Весьма сомнительно, – сказала Маура. – И я говорю это не для того, чтобы успокоить вас. – Она перевернула лежащую на столе голову набок. – Пощупайте череп. Вот здесь.

Фрост в ужасе уставился на доктора Айлз:

– Нет-нет, и так верю. Не стоит.

– Да ладно вам. Наденьте перчатки и пощупайте височные кости. Тут прощупывается рана на коже. Я не заметила, пока мы не смыли кровь. Пощупайте и скажите, что чувствуете.

Фросту это было явно не по душе, но он все же нацепил одну перчатку и робко провел пальцами по черепу.

– Тут это... ага... какая-то впадина на кости.

– Вдавленный перелом черепа. На снимке он виден. – Маура подошла к просмотровому столу и показала на снимок свода черепа. – Боковой снимок показывает трещины, которые веером расходятся от точки, куда был нанесен удар. Они образуют паутину на височной кости. На самом деле подобный тип переломов мы так и называем. Мозаикой или паутиной. Это место особенно уязвимое – как раз под ним проходит средняя менингеальная артерия. Когда она разрывается, происходит кровоизлияние – кровь заполняет черепную полость. Когда вскроем череп, мы увидим, так это или нет. – Она посмотрела на Фроста. – В нашем случае по голове был нанесен сильнейший удар. Так что, думаю, жертва была без сознания, когда ее начали резать.

– Но пока живая.

– Да. Определенно живая.

– Однако сказать наверняка, была ли она без сознания, вы не можете.

– На конечностях у нее нет никаких повреждений, полученных при самообороне. Никаких физических следов того, что она пыталась защищаться. Вряд ли кто-нибудь позволит перерезать себе горло без малейшего сопротивления. Думаю, этим ударом ее попросту оглушили. И прикосновения лезвия она, по-моему, даже не почувствовала. – Маура задумалась, потом спокойно прибавила: – По крайней мере, надеюсь. – Она подошла к телу с правой стороны, взяла отсеченную руку и поднесла с резаного конца к увеличителю. – На хрящевой поверхности, в месте отчленения локтевого сустава, следы орудия видно лучше, – заметила она. – Похоже, орудовали одним и тем же лезвием. Очень острым, с зазубренным краем.

Маура приложила отчлененную руку к суставу, как будто собирая манекен, и осмотрела результат. На лице у нее не было ни тени ужаса – только сосредоточенность. С таким выражением обычно рассматривают какую-нибудь деталь или шарнир, но не рассеченную плоть. Не руку женщины, которая с ее помощью откидывала волосы со лба, махала кому-нибудь вслед и танцевала.

И как только Мауре это удастся? Как она может приходиться сюда каждое утро, зная, что ее ждет? День за днем брать в руки скальпель и рассекать на части трагедию чьей-то внезапно оборвавшейся жизни. «Я и сама имею дело с этими трагедиями, – подумала Джейн. – Но мне не приходится разглядывать вскрытые черепа или копаться во внутренностях».

Маура обогнула стол, подойдя к телу с левой стороны. И без всяких колебаний взяла отсеченную кисть. Охлажденная, отмытая от крови, она, казалось, была из воска, а не из плоти – как будто ее принесли на киносъемочную площадку из реквизиторской. Маура навела на нее увеличитель и принялась рассматривать поверхность разреза с рваными краями. Некоторое время она молчала, а потом у нее на лбу обозначилась складка.

Маура положила кисть и взяла левую культю, чтобы осмотреть ее со стороны запястья. Складка у нее на лбу сделалась глубже. Она снова взяла кисть и приложила ее к запястью, чтобы проверить, совпадают ли резаные поверхности: кисть – к запястью, края восковой кожи – к краям восковой кожи.

Затем она вдруг отложила все это в сторону и посмотрела на Йошиму.

– Не мог бы ты достать снимки запястья и кисти?

- Снимки черепа больше не нужны?
- Вернемся к ним позже. Сейчас мне надо посмотреть левую кисть и запястье.

Йошима убрал первую серию рентгеновских снимков и выложил новую. На светящейся поверхности просмотрового стола стали видны кости кисти и фаланги пальцев – столбики, похожие на тонкие стебельки бамбука. Маура стянула перчатки, подошла к просмотровому столу и впилась взглядом в изображения. Хотя она не сказала ни слова, по ее молчанию Риццолли поняла: здесь явно что-то не так.

Маура повернулась к Джейн.

- Вы полностью обыскали дом убитой?
- Да, конечно.
- Все углы? Каждый шкаф, каждый ящик?
- Там почти ничего не было. Она ведь въехала туда несколько месяцев назад.
- И в холодильнике смотрели? В морозилке?
- Криминалисты залезали и туда. А что?
- Подойди-ка и взгляни вот на этот снимок.

Джейн сняла запачканные перчатки, подошла к просмотровому столу и глянула на снимки. Но не увидела ничего такого, что могло бы объяснить внезапную настороженность Мауры, – ничего такого, что не соответствовало бы тому, что она видела на столе.

– На что мне нужно смотреть?

– Видишь вот это изображение кисти? Эти маленькие косточки, вот здесь, называются запястными. Они образуют основание кисти перед разветвлением фаланг пальцев.

Маура взяла руку Джейн и перевернула вверх ладонью, где остался шрам, который теперь всегда будет напоминать ей, Джейн, о том, что сделал с ней другой убийца. След насилия, оставленный на ее руке Уорреном Хойтом. Но Маура ничего не сказала по поводу шрама – вместо этого она указала на мясистое основание ладони Джейн, возле запястья.

– Здесь расположены кости запястья. На снимке они выглядят как восемь камушков. Эти маленькие костяшки скреплены связками, мышцами и соединительными тканями. Они-то и придают рукам гибкость и позволяют им выполнять самую разную работу – и лепить, и играть на пианино.

– Так-так. Ну и что?

– Вот эта костяшка, в первом ряду... – Маура показала на снимке ближайшую к запястью кость, – она называется ладьевидной. Под ней, как видишь, находится сустав, и здесь, на снимке, отчетливо виден осколок другой кости. Это часть шиловидного отростка. Вместе с кистью убийца отсек и часть кости верхней конечности.

– Я все равно пока ничего не понимаю.

– А теперь взгляни на снимок культы верхней конечности. – Маура показала на другую пленку. – Это периферические окончания двух костей предплечья. Тонкая кость – локтевая, внутренний мыщелок плечевой кости. А толстая, со стороны большого пальца кисти, – лучевая. Ну а это – шиловидный отросток, о котором я говорила вначале. Понимаешь, о чем я?

Джейн нахмурилась:

– Целехонькая. На этом снимке культы кость видна вся целиком.

– Верно. Не просто целая, но и соединенная с концом другой кости. С шиловидным отростком.

Внезапно Джейн почувствовала, что в этом ледяном помещении у нее окоченело лицо.

– О боже, – тихо проговорила она. – Кажется, дело совсем плохо.

– Да, плохо.

Повернувшись, Джейн снова подошла к столу. И посмотрела на отчлененную кисть, лежавшую рядом с культей верхней конечности, с которой, как она думала – вернее, они все думали, – та когда-то была соединена.

– Поверхности разреза не совпадают, – заметила Маура. – Да и на снимке это отчетливо видно.

– Вы хотите сказать – это не ее рука? – спросил Фрост.

– Чтобы это доказать, нужен анализ ДНК. Хотя доказательство, по-моему, налицо, – сказала Маура и, взглянув на Джейн, прибавила: – Есть еще одна жертва, но вы ее пока не нашли. У нас есть ее левая рука.

7

15 июля, среда. Фаза луны: новолуние.

Вот обычаи семейства Соул.

В час пополудни дядя Питер приходит домой из больницы после неполного рабочего дня. Переодевается в джинсы, футболку и направляется в огород – там в большом количестве произрастают помидоры и подвязанные огурцы.

В два часа на пригорке появляется малыш Тедди с удочкой – он возвращается с озера. Без улова. Еще ни разу не видел, чтобы он принес домой хоть одну рыбешку.

В четверть третьего на пригорке показываются две подружки Лили, с купальниками и полотенцами. У той, что повыше – ее, кажется, зовут Сарой, – еще и радиоприемник. Из него звучит странная ухающая музыка, нарушающая послеполуденную тишину. Они расстилают на лужайке полотенца и ложатся загорать, как ленивые кошки. Кожа у них так и лоснится от лосьона для загара. Лили садится и тянется за бутылкой с водой. Подносит ее к губам и вдруг, замерев, смотрит на мое окно. И видит, как я за ней наблюдаю.

Это уже не первый раз.

Она медленно опускает бутылку и говорит что-то подружкам. Теперь и те садятся и смотрят в мою сторону. Некоторое время они глядят на меня, а я на них. Сара выключает приемник. Они втроем встают, отряхивают полотенца и направляются в дом.

Через некоторое время в мою дверь стучится Лили. И, не дожидаясь ответа, входит ко мне в комнату.

– Почему ты наблюдаешь за нами? – спрашивает она.

– Я просто смотрел в окно.

– Ты смотрел на нас.

– Это просто вы были там, куда я смотрел.

Ее взгляд падает на мой стол. Там лежит раскрытая книга, которую мама подарила мне на десятый день рождения. Она известна под названием «Египетская книга мертвых». Это собрание погребальных текстов. Всех заклинаний и магических формул, позволяющих путешествовать по загробному миру. Лили подошла поближе к книге, но дотронуться побоялась, будто бы страницы могли обжечь ей пальцы.

– Тебе интересны обряды, связанные со смертью? – спрашиваю я.

– Это все суеверие.

– Откуда ты знаешь, если никогда не пробовала?

– И ты умеешь читать эти иероглифы?

– Меня мама научила. Но это все слабые заклинания. Не по-настоящему мощные.

– А что бывает от мощных?

Она бросила на меня прямой, решительный взгляд, и мне даже показалось, что силы в ней гораздо больше, чем я думал. Что, если я недооценил ее?

«С помощью самых мощных заклинаний, – говорю я, – можно воскресить мертвеца».

«Да ну, как в „Мумия“⁸, что ли?» – смеется она.

Смешки слышатся и у меня за спиной, я поворачиваюсь и вижу в дверях обеих ее подружек. Они подслушивали и теперь смотрят на меня с презрением. Как на чудака, каких сроду не видели. Они даже не подозревают, что я и впрямь не такой, как все.

Лили закрывает «Книгу мертвых».

– Девчонки, пошли купаться, – говорит она и выходит из комнаты, оставляя за собой сладкий аромат лосьона для загара.

⁸ «Мумия» – знаменитый американский фильм ужасов режиссера Карла Фройнда, снятый на студии «Юниверсал» в 1932 г.

Из окна мне видно, как они спускаются с пригорка к озеру. В доме воцаряется тишина.

Я иду в комнату Лили. Снимаю с ее щетки для волос длинные темные пряди и прячу к себе в карман. Потом открываю пузырьки и баночки с лосьонами и кремами и нюхаю; каждый запах навевает мимолетные воспоминания: вот Лили завтракает за столом, вот сидит рядом со мной в машине. Раскрываю платяной шкаф, выдвигаю ящики и трогаю ее одежду. Такую же, как и у всех американских девчонок. Ведь она всего лишь девчонка, в конце-то концов. Но за ней нужно приглядывать.

Что я по мере сил и делаю.

8

Сиена, Италия. Август

Лили Соул очнулась мгновенно – ее словно вырвали из глубокого сна – и теперь, тяжело дыша, лежала среди сбившихся простыней. В щель между чуть приоткрытыми деревянными ставнями просачивался желтоватый предвечерний свет. В полумраке над постелью жужжала, описывая замысловатые круги, муха, привлеченная запахом ее влажного тела. И страха. Она села на тонкий матрас, откинула назад спутанные волосы и принялась массировать голову – сердце мало-помалу перестало колотиться. Из-под мышек у нее струился пот, впитывавшийся в футболку. Она ухитрилась заснуть в самое пекло – в комнате все еще стояла духота, и от спертého воздуха впору было задохнуться. «Нет, больше так не могу, – подумала она, – эдак просто свихнусь».

«А может, я уже свихнулась».

Она встала с постели и подошла к окну. Жаром дышали даже керамические плитки у нее под ногами. Открыв ставни, она взглянула на маленькую площадь, на дома, раскалившиеся на солнце, точно каменные печи. Золотистая дымка окрасила умброй купола и плоские крыши. Благоразумные жители Сиены искали спасения от летнего зноя у себя дома; на улицах же сейчас, наверное, остались одни только туристы – они бродили, тараща глаза, по узеньким улочкам, пытели и обливались потом, взбираясь по крутому склону к базилике, или фотографировались на Пьяцца дель Кампо, топчась на месте и приликая расплавленными подошвами к раскаленной брусчатке. Обычные туристические хлопоты, которым предавалась и она сама, когда впервые приехала в Сиену, – до того как переняла уклад местных жителей. Еще до того, как на этот средневековый город опустился августовский зной.

На маленькой площади, у нее под окном, не было ни души. Повернув голову, она заметила в полутемном закутке, у двери, резкое движение. Она так и замерла, не сводя глаз с того места. «Я его не вижу, а он меня?» Следом за тем из темного закутка вынырнула странная тень – она потрусилась напрямик через площадь и скоро скрылась из виду.

Всего лишь собака.

Усмехнувшись, она отвернулась от окна. «Не каждая тень скрывает чудовище, – подумала она. – Только некоторые. Бывает, что тени следуют за тобой по пятам и угрожают, куда ни пойдешь».

В маленькой ванной она ополоснула лицо едва теплой водой и забрала темные волосы в хвост. Она не тратила время на макияж: за последний год ей пришлось отказаться от всех прищечек, мешавших быстро передвигаться. Она вполне обходилась маленьким чемоданчиком, рюкзаком и всего лишь двумя парами обуви – сандалиями да кроссовками. Джинсы, футболки и свитера защищали ее и от жары летом, и от мокрого снега зимой. Если уж речь заходит о выживании, то здесь главное – многослойность защиты. Это относится и к одежде, и к эмоциям. Сторонись стихии, опасайся привязанностей.

Оставайся в безопасности.

Она взяла рюкзак и вышла из комнаты в темную прихожую. Там она остановилась и, закрывая за собой дверь, всунула внизу, между косяком и створом, картонную спичку без серной головки, после чего заперла дверь на ключ. Правда, старенький запор вряд ли мог служить защитой от незваных гостей. Ему, как и самому дому, была, вероятно, не одна сотня лет.

Приготовившись терпеть зной, она вышла из дома на площадь. Остановилась и оглядела пустое пространство. Большинству горожан было пока рановато выбираться на свет божий, но пройдет час-другой, они очнутся от послеобеденной дремоты и снова разбредутся кто по магазинам, кто по конторам. У Лили еще было в запасе время, перед тем как вернуться на

работу, где ее ждал Джорджо. Так что можно немного потряхнуть стариной и пройтись по любимым местам любимого города. Лили жила в Сиене только три месяца и уже чувствовала: близок день, когда ей придется с ней распрощаться. Скоро придется покинуть и этот город, как это было со всеми другими местами, где ей очень нравилось.

«Я пробыла здесь слишком долго».

Она прошла через площадь и двинулась дальше по переулку к улице Фонтебранда. Путь ее лежал к старинному городскому источнику, мимо домов, где когда-то жили средневековые ремесленники, а позднее размещались скотобойни. Фонтебранда – один из символов Сиены, воспетый однажды Данте; его воды остались такими же прозрачными и манящими, как сотни лет назад. Один раз она наведася сюда в полнолуние. По легенде, как раз в это время в водах источника купались оборотни, перед тем как снова принять человеческий облик. Той ночью, правда, она не видела ни одного оборотня – только подвыпивших туристов. Что, возможно, одно и то же.

Теперь Лили направилась вверх по склону, шлепая прочными сандалиями по пылающей жаром брусчатке, миновала святилище и дом святой Екатерины, сиенской святой, которая долгое время ничего не ела, живя только лишь святым причащением. Святой Екатерине были ясные видения ада, чистилища и рая, и она возжелала себе славную и горькую участь великомученицы. Однако ж после многих лет болезни она смогла добиться всего лишь самой обычной смерти. Поднимаясь по склону, Лили подумала: «А ведь мне тоже были видения ада. Вот только участь великомученицы меня совсем не прельщает. Я хочу жить. И сделаю для этого все возможное».

Когда она поднялась к базилике Сан-Доменико, ее футболка насквозь промокла от пота. На вершине холма она остановилась и, с трудом переводя дух, окинула взглядом простиравшийся внизу город с его черепичными крышами, размытыми в дымке летнего зноя. От этого зрелища у нее защемило в груди: она понимала – скоро ей предстоит со всем этим расстаться. Она и так задержалась в Сиене дольше, чем следовало, и теперь ясно чувствовала: зло приближается; его едва уловимый аромат уже ощущается в воздухе. Лили окружали добравшиеся-таки до вершины холма и одуревшие от усталости туристы, и она стояла в их толпе, безмолвная и одинокая, точно призрак среди живых. «Уже мертвая, – подумала она, – или почти».

– Простите, мисс! Вы говорите по-английски?

Лили испуганно оглянулась на средних лет мужчину и женщину в одинаковых футболках с эмблемой Пенсильванского университета и мешковатых шортах. Мужчина сжимал в руках хитроумный с виду фотоаппарат.

– Хотите, чтобы я вас сфотографировала? – спросила Лили.

– Было бы здорово! Спасибо.

Лили взяла фотоаппарат:

– Он, наверно, особенный?

– Да нет, просто нажмите на кнопку.

Парочка взялась за руки и замерла на фоне живописной панорамы Сиены, расстилавшейся у них за спиной, точно громадный средневековый гобелен. В память об их изнурительном восхождении в этот жаркий день.

– Вы ведь тоже американка? – осведомилась женщина у Лили, когда та вернула фотоаппарат. – И откуда? – Это был самый обычный дружеский вопрос – его бесконечно задают друг другу туристы, особенно соотечественники, путешествующие по дальним странам. Однако Лили тотчас же насторожилась. «Скорее всего, это вполне безобидное любопытство. Но откуда мне знать, кто они такие. Ни в чем нельзя быть уверенной».

– Из Орегона, – соврала она.

– Правда? У нас там сын живет. А в каком городе?

– В Портленде.

– Надо же, как тесен мир! Он живет на Нортвест-Ирвинг-стрит. Может, вы с ним соседи?

– Нет. – Лили уже подалась назад, отступая от навязчивой парочки, которой следом за тем, не исключено, захочется пригласить ее выпить кофе, расспросить что да как и выведать еще какие-нибудь подробности, а ей вовсе не хотелось ими ни с кем делиться. – Приятных впечатлений!

– Погодите, может...

– У меня еще встреча. – Она помахала им рукой и спешно ретировалась.

Впереди виднелись двери гостеприимного убежища – базилики. Лили вошла внутрь, в прохладную тишину, и облегченно вздохнула. Церковь была почти пуста – лишь несколько туристов блуждало по внутреннему ее пространству, благоговейно перешептываясь. Она направилась к готическому своду, где солнечный свет преломлялся в витражном стекле на мириады разноцветных лучей, озарявших радужным светом гробницы сиенской знати, которые примыкали рядами к обеим стенам. Свернув в нишу часовни, она остановилась перед позолоченным мраморным алтарем и взглянула на раку, где хранилась голова святой Екатерины Сиенской. Ее посмертные останки разделили на части: тело отправили в Рим, а ступню – в Венецию. Думала ли Екатерина, что ее постигнет такая участь? Что ее голову отделят от брэнного тела и выставят иссохший лик напоказ бесчисленным потным туристам да болтающим без умолку школьникам?

Из-под застекленной раки на нее смотрели кожистые глазницы святой. «Вот так и выглядит смерть. Ты ведь уже знаешь это, верно, Лили Соул?»

Лили, дрожа, вышла из ниши и быстрым шагом, отдававшимся гулким эхом под сводами церкви, направилась к выходу. Оказавшись на улице, она с радостью нырнула в пекло. Неприятны ей были только туристы. Толпы чужаков с фото- и кинокамерами. Любой из них мог похода ее шелкнуть.

От базилики она пошла обратно – вниз по склону холма, через площадь Салимбени и дворец Толомеи. В замысловатом переплетении узких улочек могли запросто заблудиться туристы – Лили же знала этот лабиринт как свои пять пальцев, поэтому она быстро и решительно шла своей дорогой. Она уже опаздывала, поскольку слишком долго задержалась на холме, и Джорджо, конечно же, будет ей выговаривать. Впрочем, это ничуть ее не пугало: поворчит-поворчит – и успокоится.

Так что, опоздав на работу на четверть часа, она ни капельки не волновалась. Звякнул дверной колокольчик, возвестивший о ее приходе в лавку, и Лили тут же вдохнула знакомые запахи – запыленных книг, камфары и табачного дыма. Джорджо и его сын Паоло стояли, склоняясь над столом в дальнем конце лавки, у обоих перед глазами было по лупе, специально крепившейся на голове. Оторвавшись от своего занятия, Паоло посмотрел на Лили одним огромным, как у циклопа, глазом.

– Взгляни-ка на это! – обратился он к ней по-итальянски. – Только что принесли. Прислал один коллекционер из Израиля.

Они оба были до того возбуждены, что даже не обратили внимания на ее опоздание. Она положила рюкзак на пол, рядом со своим столом, и направилась к ним мимо антикварного столика и дубовой монастырской скамьи. Мимо римского саркофага, служившего теперь, к их стыду, заурядным хранилищем для разных папок. Она перешагнула через вскрытую упаковочную клетку, откуда на пол просыпалась упаковочная же стружка, и взглянула на то, что лежало у Джорджо на столе. Это был кусок резного мрамора – вероятно, осколок какой-нибудь древней постройки. На двух прилегающих поверхностях мрамора она разглядела патину, тончайший налет времени, образовавшийся под действием ветра, дождя и солнца. «Угловой камень», – решила она.

Юный Паоло снял с головы лупу, взъерошив волосы. Со своей широкой улыбкой, больше похожей на оскал, и торчащими в форме острых звериных ушей пучками волос, он вполне мог

бы сойти за одного из тех легендарных сиенских оборотней, пусть даже совершенно безобидных и притом довольно симпатичных. В душе у Паоло, как и у его отца, не было ни грамма жестокости, и Лили могла бы запросто в него влюбиться, если б не страх сделать его несчастным, что было неизбежно.

– Думаю, тебе это понравится, – сказал он, протягивая ей лупу. – Это как раз то, что тебя всегда интересует.

Лили склонилась над угловым камнем и принялась рассматривать вырезанную на мраморе человекообразную фигурку. Та стояла прямо, в юбке на поясе и с браслетами на ногах. Только голова у нее была не человеческая. Лили нацепила на голову лупу и наклонилась пониже. Теперь в увеличительное стекло ей стали видны все детали, и от этого ее вдруг бросило в дрожь. Она ясно увидела собачьи клыки и когтистые пальцы. И рога.

Она выпрямилась, в горле у нее пересохло, голос сделался странно отчужденным.

– Коллекционер из Израиля, говоришь?

Джорджо кивнул, снял с головы лупу – и превратился в Паоло, только постаревшего и облысевшего. Те же карие глаза, только тронутые морщинками в уголках.

– Какой-то новенький. Поэтому мы и не уверены в подлинности этой вещи. Непонятно, можно ли ему доверять.

– И как же он прислал нам этот фрагмент?

Джорджо пожал плечами:

– Только сегодня пришел в упаковочной клетке. Вот и все, что я знаю.

– Он что, хочет его продать?

– Нет, просит оценить, и все. Ну, что скажешь?

Она провела пальцем по патине. И снова почувствовала холод, исходивший от камня и проникавший ей под кожу.

– Он сообщил, откуда это у него?

Джорджо потянулся к пачке бумаг.

– Говорит, купил восемь лет назад в Тегеране. Думаю, вывез контрабандой. – Он снова пожал плечами и подмигнул. – Но нам-то что за дело, а?

– Из Персии, – проговорила она. – Это Ахриман.

– А что такое Ахриман? – спросил Паоло.

– Не что, а кто. В древней Персии Ахриман считался демоном. Духом разрушения. – Она положила лупу на стол и глубоко вздохнула. – Воплощением зла.

Джорджо улыбнулся и радостно потер руки:

– Видишь, Паоло? Я же говорил, она все знает. Дьяволы, демоны – всё про всех. Что ни спроси, на все готов ответ.

– Но откуда? – Паоло посмотрел на нее. – Просто не понимаю, откуда у тебя такой интерес к этой чертовщине?

Что ей было ответить? Как объяснить, что однажды ей случилось смотреть Зверю прямо в глаза, а Он глядел на нее? Он заметил ее. И с тех пор шел за ней по пятам.

– Выходит, вещица подлинная? – спросил Джорджо. – Угловой камень-то?

– Да, похоже.

– Тогда я ему прямо сейчас и отпишу, а? Нашему новоявленному другу из Тель-Авива. Скажу, он-де попал в яблочко, прислал камень самым толковым экспертам, знающим ему настоящую цену. – Он бережно положил камень обратно в упаковочную клетку. – На такую-то диковину покупатель уж непременно найдется.

«Кому же взбрдет в голову хранить у себя дома чудовище? – подумала Лили. – Кто захочет, чтобы зло смотрело на него со стены собственного дома?»

– Ах да, совсем забыл, – сказал Джорджо. – Ты в курсе, что у тебя есть поклонник?

Лили нахмурилась:

– Что?

– Да заходил тут один в обед. Спрашивал, не работает ли у меня американка.

Она так и застыла.

– И что вы ему сказали?

– Я остановил отца, и тот ничего не успел сказать, – сообщил Паоло. – Мы можем влипнуть в историю, ведь у тебя нет разрешения на работу.

– Но, немного поразмыслив, я могу сказать вот что, – продолжал Джорджо. – По-моему, он в тебя втрескался. Потому и разыскивает. – Джорджо подмигнул Лили.

Она нервно сглотнула:

– Он сказал, как его зовут?

Джорджо весело хлопнул сына по руке.

– Смотри! – буркнул он. – Больно нерасторопный ты, сынок. Вот уже и новый ухажер объявился, того и гляди ее уведет.

– Как его звали? – снова спросила она, более резким тоном.

Однако отец с сыном не обратили внимания на внезапную перемену в ее состоянии. Они были слишком заняты подтруниванием друг над дружкой.

– Имени он не назвал, – ответил Джорджо. – Похоже, и дальше будет действовать инкогнито. А тебе придется угадывать.

– Он молодой? Как выглядит?

– О! Стало быть, клюнула.

– Может, в нем было... – она задумалась, – что-нибудь необычное?

– Что значит «необычное»?

Нечеловеческое, хотелось ей сказать.

– Глаза у него синие-синие, – вдруг вспомнил Паоло. – Странные какие-то. Светлые, как у ангела.

«Как у противоположности ангела».

Лили отвернулась, кинулась к окну и через запыленное стекло стала вглядываться в прохожих. «Он здесь, – подумала она. – И в Сиене меня нашел».

– Да вернется он, *carra mia*⁹. Потерпи немного, – успокоил ее Джорджо.

«Только меня уже здесь не будет».

Лили схватила рюкзак.

– Простите, – сказала она, – мне что-то нездоровится.

– Что случилось?

– Кажется, из-за вчерашней рыбы. Не прижилась чего-то. Пойду-ка лучше домой.

– Паоло тебя проводит.

– Нет! Не надо. – Она распахнула дверь, громко звякнув колокольчиком. – Сама дойду.

Она вышла из лавки не оглядываясь, потому что боялась, как бы Паоло не бросился за ней вдогонку, возомнив себя благородным телохранителем. Ей нельзя было терять из-за него ни минуты. Сейчас нужно поторапливаться.

Домой Лили возвращалась обходным путем, сторонясь многолюдных площадей и больших улиц. Она петляла тесными переулками, поднималась по втиснутым меж средневековых стен узким лестницам, продвигаясь к району Фонтебранда. На сборы у нее уйдет около пяти минут. Она давно научилась расторопности и свыклась с необходимостью сниматься с места в любую минуту, так что ей оставалось только бросить в чемоданчик одежду и туалетные принадлежности и забрать пачку евро из тайника за комодом. Последние три месяца Джорджо платил ей наличными, прекрасно понимая, что у нее нет разрешения на работу. Но, так или иначе, ей удалось отложить на черный день кое-какую сумму, вполне достаточную, чтобы перебраться в

⁹ Милочка (*um.*).

другой город и перебраться во время поисков очередного места работы. «Заберу деньги, чемодан, и в путь, – решила она. – Прямоком на автовокзал».

Нет. Не годится, подумав хорошенько, спохватилась она, ведь там-то он точно будет ее подстергать. Лучше взять такси. Конечно, это дороже, зато если на нем только выбраться из города, к примеру доехать до Сан-Джиминьяно, то дальше можно пересесть на поезд до Флоренции. А там, среди несметных толп, она уж как-нибудь да затеряется.

В дом Лили вошла не со стороны площади, а через темную улочку, заставленную ржавыми мусорными баками и велосипедами на приколе, и стала подниматься по лестнице. В коридоре звучала музыка, доносившаяся через приоткрытую дверь в одной из соседних квартир. «Это тот ненормальный паренек, – догадалась она. – Тито со своим чертовым радиоприемником». Она поймала застывший, точно у зомби, взгляд мальчишки, сидевшего сгорбившись на диване. И прошла к своей квартире. Уже достав из кармана ключи, она вдруг обратила внимание на спичку – и застыла как вкопанная.

Между дверью и косяком ее не было – она валялась на полу.

Лили отпрянула, чувствуя, как у нее заколотилось сердце. Когда она, пятясь, отступила к двери Тито, паренек посмотрел на нее и помахал рукой. Не самое подходящее время для начала общения. «Только не говори ни слова, – молча молила она. – Не смей говорить!»

– Ты что, сегодня не на работе? – обратился он к ней по-итальянски.

Она развернулась и бросилась вниз по лестнице. И, выбежав на улицу, едва не споткнулась о велосипеды. «Черт, опоздала!» – подумала она, свернув за угол и взбегая по короткому лестничному пролету. Юркнув в заросший сад, она припала к осыпающейся стене и так и замерла, затаив дыхание. Пять минут, десять... Ни шагов, ни топота – никаких других звуков погони.

«Может, спичка выпала сама по себе? Может, еще успею забрать чемодан и деньги?»

Решившись высунуться из-за стены, она оглядела улицу. Ни души.

«Может, повезет? Может, рискнуть?»

Она осторожно выбралась на ту же улочку. И затем узкими закоулками добралась до площади. Но идти дальше в открытую она не решилась – украдкой выглянула из-за угла и посмотрела на окно своей квартиры. Деревянные ставни – открыты, как до ее ухода. Но тут сквозь сгущающиеся сумерки она уловила в окне движение. В проеме между ставнями мелькнул силуэт – всего лишь на миг.

Она отскочила обратно за угол. Черт! Проклятье!

Она расстегнула рюкзак и пошарила в бумажнике. Сорок восемь евро. Хватит, чтобы купить билет на автобус и раза два-три перекусить. А может, и на такси до Сан-Джиминьяно, но не больше. У нее была с собой банковская карточка, но она решалась пользоваться ею только в больших городах – там можно было быстро раствориться в толпе. Последний раз она использовала ее еще во Флоренции, вечером в субботу, когда на улицах было полно народу.

«Только не здесь, – подумала она. – Не в Сиене».

Она покинула площадь и углубилась в переулки Фонтебранды. Благо там она ориентировалась лучше, чем где бы то ни было; там она могла запросто ускользнуть от кого угодно. Так она вышла к маленькой кофейне, которую открыла для себя несколько недель назад, – туда заходили разве что местные. Внутри было мрачно, как в пещере, и пахло табачным дымом. Она примостилась за угловым столиком, заказала сэндвич с сыром и помидорами и эспрессо. Потом еще один эспрессо. Потом еще. Ночью ей вряд ли удастся уснуть. «Пойду во Флоренцию пешком, – решила она. – Расстояние небольшое – километров тридцать-сорок». Ей уже приходилось ночевать в чистом поле. И воровать по ночам персики с виноградом тоже случалось. Так почему бы не попробовать снова.

Она проглотила сэндвич – все до последней крошки. Кто знает, когда снова выпадет случай поесть. Меж тем, когда она вышла из кофейни, наступила ночь, и по темным улочкам

уже можно было передвигаться, не опасаясь, что тебя узнают. Впрочем, был еще один выход. Рискованный, зато избавлявший от сорокакилометровой прогулки.

«Джорджо непременно поможет, – подумала она. – И отвезет меня во Флоренцию».

Так она брела и брела, стараясь держаться подальше от городской площади, предпочитая ближней дороге обходные пути. И к тому времени, когда она наконец добрела до дома Джорджо, от ходьбы по неровной брусчатке у нее гудели ноги. Под прикрытием тьмы она заглянула в окно. Жена Джорджо умерла несколько лет назад, и отец с сыном жили в доме вдвоем. Внутри везде горел свет, однако никакого движения на первом этаже она не заметила.

Лили не была настолько отчаянной, чтобы стучаться в парадную дверь. Нет, она обошла дом сзади, через маленький сад, юркнула в калитку и, прошмыгнув мимо благоухающих тимьяна и лаванды, постучала в дверь на кухню.

В ответ – ни звука.

Она прислушалась: может, у них работает телевизор, поэтому они и не слышали стука, но до ее слуха доносился только шум улицы.

Она дернула за ручку – дверь отворилась.

Ей хватило одного-единственного взгляда. Перед глазами мелькнула кровь, выкрученные руки и искаженные лица отца и сына. Джорджо и Паоло так и застыли в последнем объятии.

Она отпрянула назад, прижимая руки ко рту, с затуманенными от слез глазами. «Это из-за меня. Все из-за меня. Их убили из-за меня».

Пятясь задом через заросли лаванды, она наткнулась на калитку. И от удара очнулась.

«Прочь! Бегом!»

Лили выскочила из сада, даже не потрудившись закрыть за собой калитку, и бросилась бежать по улице, шлепая сандалиями по брусчатке.

Она так и бежала без оглядки, пока не оказалась на окраине Сиены.

9

– Мы точно знаем, что есть еще одна жертва? – спросил лейтенант Маркетт. – У нас же пока нет подтверждения – результатов анализа ДНК.

– Зато есть две разные группы крови, – сказала Джейн. – Отрезанная кисть принадлежала жертве с первой группой крови, резус-фактор положительный. А у Лори-Энн Такер вторая группа с положительным резусом. Значит, доктор Айлз не ошиблась.

В зале совещаний воцарилась долгая тишина.

– Дело принимает все более интересный оборот, – тихо произнес доктор Цукер.

Джейн посмотрела на него через стол. Под пристальным взглядом доктора Лоуренса Цукера, судебного психиатра, ей всегда становилось не по себе. Вот и сейчас он глядел на нее так, словно она была единственным объектом его внимания, и ей казалось, что своим взглядом он проникает в самые глубины ее сознания. Они работали вместе еще по делу Хирурга – два с половиной года назад, и Цукер знал, какие мысли и чувства терзали ее потом. Знал о ночных кошмарах и приступах панического страха. И видел, как она то и дело терла рубцы на ладонях, будто стараясь загладить жуткие воспоминания. За это время кошмарные сны об Уоррене Хойте почти прошли. Но всякий раз, когда Цукер пронзал ее своим взглядом, она чувствовала себя незащищенной, потому что он знал, насколько уязвимой она была когда-то. И не любила его за это.

Джейн отвела взгляд в сторону и посмотрела на двух других детективов – Барри Фроста и Еву Кассовиц. «Взяв Кассовиц в команду, – подумала она, – мы сделали ошибку». О том, как ее выворачивало на снег, да еще прилюдно, стало известно всему отделу, и Джейн заранее знала, как над ней будут издеваться. На другой день после Рождества на столе в приемной отдела странным образом появилось огромное пластмассовое ведро с написанной на нем фамилией Кассовиц. Любой другой посмеялся бы над шуткой или разозлился. Она же с видом побитого тюленя тихо сидела в своем кресле, не в силах вымолвить ни слова. «Да уж, в этом мужском клубе Кассовиц долго не протянет, – подумала Джейн, – если только не научится давать сдачи».

– Итак, у нас имеется убийца, который не просто расчленяет свои жертвы, – сказал Цукер, – но и переносит части тела с одного места преступления на другое. У вас есть фотография кисти?

– У нас полно фотографий, – ответила Джейн. И передала Цукеру папку с данными вскрытия. – По виду можно почти с полной уверенностью сказать – рука женская.

От таких снимков кого угодно могло вывернуть наизнанку, однако лицо Цукера, пока он их быстро просматривал, оставалось все таким же бесстрастным – ни тени отвращения. Только острое любопытство. Или, может, так в его взгляде отражалась страсть? Что, если ему даже нравилось рассматривать следы жестокого обращения с телом девушки?

Наконец Цукер нашел снимок отрезанной кисти.

– На ногтях никакого лака, хотя выглядят они ухоженными. Да, согласен, рука, похоже, женская. – Он взглянул на Джейн; его бледно-голубые глаза смотрели поверх очков в тонкой металлической оправе. – А что по отпечаткам?

– За жертвой по картотеке ничего не значится. В армии не служила. Никаких данных и по НИКЦ¹⁰.

– Неужели ее нет ни в одной базе данных?

– Во всяком случае, отпечатки пальцев нигде не зарегистрированы.

– А что, если эта кисть из медицинских отходов? Может, ее попросту ампутировали в какой-нибудь больнице?

¹⁰ НИКЦ (NCIC – National Crime Information Center) – Национальный информационно-криминологический центр.

– Я проверил во всех медицинских центрах по Бостону и в его окрестностях, – вмешался Фрост. – За последние две недели было произведено только две ампутации кистей рук: одну сделали в Центральной массачусетской больнице, другую – в «Пилгриме». Обе – результат несчастного случая. Первая травма – от цепной пилы, вторая – от укуса собаки. В обоих случаях кисти оказались до того покалечены, что реплантация была невозможна. И в первом случае пострадавший – мужчина.

– Эту кисть откопали не в больничных отходах, – сказала Джейн. – Да и не покалеченная она совсем. Ее отсекли очень острым зазубренным лезвием. И сделал это явно опытный хирург. Верхушка лучевой кости – срезана, да и кровопотерю даже не пытались остановить. Сосуды не перетянуты, никакого послойного рассечения кожи. Одним махом отрезано.

– Может, она принадлежит кому-нибудь из числящихся в розыске?

– Только не в Массачусетсе, – заметил Фрост. – Мы расширяем область поисков. Теперь под условия поиска подпадают все белые женщины. А жертва исчезла, судя по всему, не так давно, ведь рука даже не начала разлагаться.

– Ее могли заморозить, – предположил Маркетт.

– Нет, – возразила Джейн. – Под микроскопом не видно никаких клеточных повреждений. Так доктор Айлз говорит. При заморозке вода расширяется и разрывает клетки, но она ничего такого не обнаружила. Кисть могли охладить или положить в пакет со льдом, как делают при перевозке донорских органов. А то, что она не была заморожена, это точно. Поэтому мы считаем, что жертва была убита всего лишь несколько дней назад.

– Если только ее действительно убили, – заметил Цукер.

Присутствующие разом воззрились на него. Жуткий смысл его слов заставил всех замолчать.

– Думаете, она еще может быть жива? – наконец проговорил Фрост.

– Ампутация не всегда приводит к смертельному исходу.

– О-о! – воскликнул Фрост. – Отрезать руку, не убивая...

Цукер просмотрел один за другим оставшиеся снимки из папки с данными вскрытия, останавливая на каждом пыливый взгляд, точно ювелир, глядящий в лупу. Наконец он отложил их в сторону.

– Существуют две вероятные причины, побудившие убийцу расчленить тело. Первая – чисто практическая. Ему нужно было избавиться от него. Среди убийц встречаются личности самоуглубленные и целенаправленные. Они понимают: от судебных улик необходимо избавиться – и прячут следы своих преступлений.

– Организованные убийцы, – кивнул Фрост.

– Если убийца расчленил жертву, а потом рассовал отдельные части тела по разным местам или припрятал, значит он распланировал все заранее. И действовал продуманно.

– В нашем случае они даже не были спрятаны, – сказала Джейн. – Он разбросал их по всему дому, в таких местах, где их нельзя было не заметить. – Она передала Цукеру другую пачку фотографий. – Это с места преступления.

Цукер раскрыл папку. И принялся задумчиво разглядывать первый снимок.

– Еще интересней, – проговорил он.

«Он смотрит на отрезанную руку на столе, и на ум ему приходит только такое слово?»

– Кто накрыл стол? – Он посмотрел на нее. – Кто расставил тарелки с бокалами и разложил серебряные приборы?

– Мы считаем – преступник.

– Почему?

– Да черт его знает почему!

– Я имею в виду, почему вы решили, что это сделал именно он?

– Потому что на тыльной стороне одной из тарелок, к которой он прикасался, было пятно крови.

– Отпечатки?

– К сожалению, их не осталось. Он был в перчатках.

– Значит, спланировал все заранее. Действовал преднамеренно. – Цукер снова перевел взгляд на фотографию. – Накрыто на четверых. Это что-то означает?

– Нам известно не больше вашего. В шкафу было восемь тарелок, так что он мог поставить и больше. Но почему-то предпочел только четыре.

– Так что вы об этом думаете, доктор Цукер? – спросил лейтенант Маркетт.

Психиатр ничего не ответил. Медленно перебрал фотографии, он остановился на снимке отрезанной руки в ванной. Потом нашел фотографию с кухни и снова остановился. Последовала долгая пауза – он молча рассматривал оплывшие свечи по краям начерченного на полу круга. И то, что было в середине его.

– Похоже на какой-то таинственный ритуал, мы так считаем, – прокомментировал Фрост. – Меловой круг, сторевшие свечи.

– Безусловно, все это напоминает ритуал. – Цукер поднял глаза, и в них сверкнул огонек, от которого у Джейн мороз прошел по коже. – Круг начертил преступник?

Джейн задумалась, смутившись от такого вопроса.

– Вы что же, думаете... это могла сделать и жертва?

– Я не буду давать никаких заключений. Надеюсь, вы тоже. Почему вы так уверены, что жертва не могла начертить круг? И что она сама не была добровольной участницей ритуала?

Джейн чуть не рассмеялась. «Ну да, я бы, пожалуй, тоже добровольно отдала голову на отсечение!» И сказала:

– Круг, несомненно, начертил убийца, он же зажег свечи. Потому что мы не нашли в доме ни одного кусочка мела. После того как он разрисовал пол на кухне, он забрал мел с собой.

Цукер откинулся на спинку кресла и подытожил:

– Значит, убийца расчленяет жертву, но части тела не прячет. Лицо жертвы не обезображивает. Из улики не оставляет почти ничего, и это указывает на то, что он знает, какие улики принимаются в суде, а какие нет. Тем не менее он нам подбрасывает, с позволения сказать, самую весомую улику из всех – часть тела другой жертвы. – Он задумался. – Следы спермы остались?

– В теле жертвы не обнаружено.

– А на месте преступления?

– Криминалисты обшарили весь дом с ультрафиолетовым спектро스코пом. Нашли кучу разных волос и ни капли спермы.

– Вот вам еще характеристика вполне осознанного поведения. Преступник не оставляет следов сексуальной активности. Если он и впрямь сексуальный маньяк, то ему удастся отсрочивать семяизвержение ради собственной безопасности.

– А если он не сексуальный маньяк? – спросил Маркетт.

– Тогда я не до конца понимаю, что все это значит, – ответил Цукер. – Это расчленение жертвы, выставление напоказ частей тела. Свечи, меловой круг... – Он оглядел сидящих за столом. – Полагаю, мы все думаем одно и то же. Некий сатанинский обряд.

– Был сочельник, – прибавил Маркетт. – Святой вечер.

– И наш потрошитель объявляется вовсе не затем, чтобы чествовать Дающего Мир, – заметил Цукер. – Нет, он пытается взывать к князю тьмы.

– Там есть еще одна фотография, на которую вам стоит взглянуть, – заметила Джейн, указывая на пачку снимков, до которых у Цукера еще не дошли руки. – Там надпись – оставлена на стене. Выведена кровью жертвы.

Цукер нашел фотографию.

– Три перевернутых креста, – сказал он. – Наверняка какой-то сатанинский смысл. А это еще что за знаки, под крестами?

– Это слово.

– Что-то не разберу.

– Обратное изображение. Можно прочесть, если поднести зеркало.

Цукер вскинул брови:

– Вы ведь знаете, что обозначает зеркальное письмо, верно?

– Нет. А что оно обозначает?

– Когда дьявол заключает сделку, собираясь купить твою душу, договор составляется и подписывается зеркальным способом. – Насупившись, он снова взглянул на слово. – Так что там написано?

– Recessi. Это по-латыни. Означает: «Я согрешил».

– Признание? – предположил Маркетт.

– Или бахвальство, – сказал Цукер. – Признание Сатане: «Я-де исполнил твою волю, повелитель». – Он оглядел разложенные на столе фотографии. – Очень бы хотелось встретиться с этим потрошителем в комнате допросов. Символизма здесь с избытком. Почему он именно так расположил части тела? Что означает кисть руки на блюде? И четыре прибора на столе?

– Четыре всадника из Апокалипсиса, – тихо сказала детектив Кассовиц. Это было одно из редких замечаний, сделанных ею за все время совещания.

– С чего вы взяли? – удивился Цукер.

– Мы же говорим о Сатане. О грехе. – Кассовиц откашлялась, стараясь придать голосу твердость. – Это библейская тема.

– Четыре столовых прибора могут означать и трех его незримых друзей, приглашенных на полуночное застолье, – предположила Джейн.

– Библейская тематика вас не убедила? – спросил Цукер.

– Я понимаю, что все здесь указывает на сатанизм, – ответила Джейн. – Ну, скажем... круг, свечи. Зеркальное письмо, перевернутые кресты. Похоже, преступник и хотел, чтобы мы пришли к такому заключению.

– Думаете, это инсценировка?

– Может, он хотел скрыть настоящую причину убийства Лори-Энн Такер.

– Тогда каковы же его мотивы? У нее были проблемы в личной жизни?

– Она разведена, бывший муж живет в Нью-Мексико. И расстались они как будто мирно. В Бостон она перебралась только три месяца назад. Других мужчин у нее вроде бы не было.

– А работа была?

– Я беседовала с ее начальником в Музее науки, – снова заговорила Ева Кассовиц. – Лори-Энн работала в сувенирной лавке. Ни с кем не ссорилась. Вела себя тихо-мирно.

– Мы это точно знаем? – переспросил Цукер.

Свой вопрос он адресовал Джейн, а не Кассовиц, выказав тем самым свое пренебрежение, отчего та вся зарделась. Еще один удар по ее и так уже уязвленному самолюбию.

– Детектив Кассовиц, кажется, только что сказала вам, что именно мы знаем, – ответила Джейн, поддерживая члена своей команды.

– Ладно, – сказал Цукер. – Тогда почему убили эту женщину? Зачем было обставлять все как бы под сатанинский обряд, если все иначе?

– Чтобы было интересней. И привлекало внимание.

Цукер усмехнулся:

– Как будто бы мы могли не обратить внимания!

– Не мы. Расчет был на того, кто имеет вес для преступника.

– Вы имеете в виду доктора О’Доннелл, верно?

- Как известно, убийца звонил О’Доннелл, хотя она уверяет, что ее тогда не было дома.
- Вы что же, ей не верите?
- Мы не можем это доказать, потому что она стерла все телефонные сообщения. А нам сказала – звонок-де был ошибочный.
- С чего вы взяли, что это неправда?
- Вы же знаете ее, так ведь?
- Он посмотрел на Риццоли:
- Знаю, что у вас с ней были трения. И ее дружба с Уорреном Хойтом не дает вам покоя.
- Речь не о моих взаимоотношениях с О’Доннелл...
- Да нет, о них самых. Она поддерживает дружбу с человеком, который вас чуть не убил. И который спит и видит, как бы довести дело до конца.
- Джейн подалась вперед, напрягшись всем телом.
- Оставьте это, доктор Цукер, – спокойно проговорила она.
- Взглянув на нее, психиатр увидел в ее глазах нечто такое, что вынудило его пойти на попятную.
- Стало быть, вы подозреваете О’Доннелл? – уточнил он.
- Я ей не доверяю. Она телохранительница для преступников. Пообещайте ей кругленькую сумму, и она будет до хрипоты защищать в суде любого убийцу. Заявит, что у него, мол, наличествуют неврологические нарушения и он не может отвечать за свои поступки. Что его надо лечить, а не сажать.
- Блюстителю правопорядка ее недолюбливают, доктор Цукер. Что ни говори, – добавил Маркетт.
- Послушайте, даже если б мы любили ее, – заметила Джейн, – вопросов у нас все равно не стало бы меньше. Зачем убийца звонил ей с места преступления? Почему ее не было дома? И почему она не признается, где была?
- Потому что знает: вы уже заранее настроены к ней враждебно.
- «Она даже не подозревает, до какой степени враждебности она может меня довести».
- Детектив Риццоли, вы что, намекаете, будто доктор О’Доннелл как-то связана с этим преступлением?
- Нет. Но она способна играть на этом. Питаться этим. Так или иначе, а она вдохновительница.
- Как это?
- Знаете, кошка иногда убивает мышку и приносит ее хозяину домой в качестве своеобразного жертвоприношения. В знак привязанности.
- Так вы полагаете, наш убийца пытается произвести впечатление на О’Доннелл?
- Поэтому он и позвонил ей. Поэтому и обставил убийство так изощренно – чтобы привлечь ее внимание. А потом, чтобы его работу точно заметили, позвонил по девять-один-один. Ну а еще через пару-тройку часов, пока мы торчали на кухне, он позвонил в дом жертвы из телефона-автомата, чтобы проверить, там мы или нет. Этот тип всех нас приманил. Стражей порядка. И О’Доннелл.
- Неужели ей невдомек, в какой она опасности? – удивился Маркетт. – Надо же, привлечь к себе внимание убийцы!
- Похоже, ее это нисколько не пугает.
- Что же тогда может напугать такую дамочку?
- Маленький знак привязанности, который он, возможно, ей пришлет. Что-нибудь вроде дохлой мышки. – Джейн задумалась. – Не будем забывать. Кисть руки Лоры-Энн Такер мы так и не нашли.

10

Джейн думала об этой кисти даже на кухне, нарезая курицу для позднего ужина. Она поставила еду на стол, где уже, как обычно, сидел ее безукоризненно выглядящий муж, с засученными рукавами и с детской слюной на воротничке. Что может быть привлекательней, чем мужчина, терпеливо поглаживающий по спине свою отпрыгивающую дочурку? Реджина громко рыгнула, и Габриэль рассмеялся. Как же это прекрасно! Когда все они вместе, в целостности и сохранности.

Потом Джейн взглянула на порезанную курицу и вспомнила то, что лежало на другом блюде, на обеденном столе у другой женщины. И отодвинула тарелку в сторону.

«Мы все состоим из мяса. Как этот цыпленок. Как говядина».

– А я думал, ты голодна, – сказал Габриэль.

– Расхотелось что-то. Она перестала мне казаться аппетитной.

– Все из-за того дела?

– Хотела бы я перестать о нем думать.

– Я видел папки, которые ты сегодня принесла. Не удержался и просмотрел. Мне бы это тоже не давало покоя.

Джейн покачала головой:

– У тебя же, по-моему, отпуск. Зачем тебе разглядывать фотографии со вскрытия?

– Они лежали прямо здесь, на кухонном столе. – Он пересадила Реджину на детский стульчик. – Хочешь поговорить? Так выкладывай все, что думаешь. Если считаешь, это поможет.

Она посмотрела на Реджину, внимательно наблюдавшую за ними, и вдруг рассмеялась.

– Странно, когда она подрастет и будет все понимать, вот уж действительно интересные у нас могут получиться семейные разговоры. Ну что, дорогая, сколько обезглавленных трупов ты видела сегодня?

– Она еще ничего не понимает. Так что рассказывай.

Джейн встала и направилась к холодильнику. Достала бутылку светлого пива и хлопнула пробкой.

– Джейн!

– Тебе действительно хочется знать подробности?

– Я хочу знать, что тебя так беспокоит.

– Ты же видел фотографии. И знаешь, что меня беспокоит. – Джейн снова села и глотнула пива. – Иногда, – спокойно продолжала она, глядя на запотевшую бутылку, – я думаю, какое безрассудство заводить детей. Любить их, воспитывать. А потом смотреть, как они вступают в мир, где их ждут страдания. И встречаются такие типы, как...

Как Уоррен Хойт, подумала она, но имени его не произнесла; она почти никогда не произносила его имени – это все равно что воззвать к самому дьяволу.

Тут вдруг зазвонил домофон – она вздрогнула. И взглянула на стену, где висели часы.

– Половина одиннадцатого.

– Сейчас поглядим, кого это еще принесло. – Габриэль прошел в гостиную и нажал на кнопку домофона. – Да!

Из динамика послышался неожиданный голос:

– Это я, – ответила мать Джейн.

– Заходите, госпожа Риццоли! – проговорил Габриэль, впуская гостью в дом. А потом с удивлением посмотрел на Джейн. – Уже так поздно. Чего это она?

– Даже боюсь спрашивать.

Они услышали на лестнице шаги Анжелы, непривычно медленные и тяжелые, сопровождавшиеся каким-то шумом, словно она что-то тащила за собой. И только когда госпожа Риццоли добралась до лестничной площадки третьего этажа, они увидели, что это было.

Чемодан.

– Мам! – выговорила Джейн, но, даже сказав это, не могла поверить, что женщина с растрепанными волосами и безумным взглядом и есть ее мать. Пальто у Анжелы было расстегнуто, край воротника замялся внутрь, брюки промокли до колен, как будто она продиралась к их дому по сугробам. Она схватилась за чемодан обеими руками, словно собираясь запустить им в кого-нибудь. Все равно в кого.

Вид у нее был и правда грозный.

– Мне нужно переночевать у вас сегодня, – сказала Анжела.

– Что?

– Так можно войти или нет?

– Конечно, мам.

– Давайте помогу, госпожа Риццоли, – сказал Габриэль, забирая у нее чемодан.

– Вот видишь! – заметила Анжела, кивнув на Габриэля. – Так и должен вести себя мужчина! Стоит ему увидеть, что женщине нужна помощь, как он тут же предлагает свои услуги. Именно так и должен поступать джентльмен.

– Да что случилось, мам?

– Что случилось, что случилось! Даже не знаю, с чего начать.

Тут расхныкалась Реджина, в знак протеста, что про нее забыли.

Анжела тотчас же кинулась на кухню и взяла внучку со стульчика на руки.

– О крошка, бедная девочка! Ты даже не представляешь, что тебя ждет, когда ты вырастешь.

Анжела присела к столу и принялась укачивать внучку, прижимая ее к груди так крепко, что Реджина начала извиваться, силясь высвободиться из удушающих объятий этой ненормальной.

– Ладно, мам, – вздохнула Джейн. – Ну что там папа натворил?

– От меня ты ничего не узнаешь.

– Тогда от кого?

– Я не собираюсь настраивать детей против отца. Родители не вправе обливать друг друга грязью.

– Я уже не ребенок. И хочу знать, что происходит.

Но Анжела и не собиралась ничего объяснять. Она сидела, раскачиваясь взад-вперед, прижимая к груди ребенка. Судя по ее личику, желание Реджины высвободиться из бабкиных объятий становилось все более невыносимым.

– Гм... и сколько ты собираешься у нас жить, мам?

– Не знаю.

Джейн взглянула на Габриэля – он проявил достаточно мудрости и не стал участвовать в разговоре. Но в его глазах она заметила искру смятения.

– Надо бы подыскать новое место жительства, – сказала Анжела. – Собственную квартиру.

– погоди, мам. Ты же не хочешь сказать, что больше никогда не вернешься.

– Как раз это я и хочу сказать. Я, Джени, собираюсь начать новую жизнь. – Она посмотрела на дочь, вызывающе вскинув подбородок. – Другие женщины поступают точно так же. Они бросают своих мужей и живут себе спокойно. Мужья нам не нужны. Можно обойтись и без них.

– У тебя же нет работы, мам.

– Как ты думаешь, чем я занималась последние тридцать семь лет? Только и знала, что кормить да обстирывать этого мужчину! А он, думаешь, ценил мои труды? Являлся домой и заглывал все, что я перед ним ставила. Даже не задумывался, что в стряпню я всю душу вкладываю. Знаешь, сколько людей советовало мне открыть свой ресторан?

«И то верно, – подумала Джейн, – знатный был бы рестораник». Но она предпочла промолчать, чтобы не потакать безумству.

– Так что никогда не говори мне: «У тебя нет работы». Моя работа – забота об этом мужчине, и я ничего не просила взамен. Так почему бы мне не делать то же самое, только за деньги. – Она снова крепко прижала Реджину к груди, и малышка недовольно пискнула. – Я поживу у вас совсем недолго. Спать буду в детской. Мне и на полу будет чудесно. Ходите себе на свою работу, а я буду присматривать за внучкой. Сама знаешь, с ней забот не оберешься.

– Ладно, мам, – вздохнула Джейн и направилась к телефону. – Раз ты не хочешь говорить, что случилось, спрошу у папы.

– Что ты делаешь?

– Звоню ему. Держу пари, он уже раскаялся и готов извиниться. – «Держу пари, он сидит голодный как волк и мечтает, чтобы его шеф-повар поскорей вернулся».

Джейн сняла трубку и стала набирать номер.

– Можешь не трудиться, – сказала Анжела.

В трубке раздался один гудок, другой.

– Говорю же, он не возьмет трубку. Его дома нет.

– Ну и где же он? – удивилась Джейн.

– У нее.

Джейн стояла как вкопанная, вслушиваясь в долгие, безответные гудки телефона в родительском доме. Затем она медленно положила трубку и повернулась к матери:

– У кого?

– У нее. У этой потаскушки.

– Господи, мам!

– Господь тут ни при чем.

Анжела вдруг резко вздохнула и всхлипнула. А потом нагнулась, еще крепче прижав Реджину к груди.

– Папа что, с кем-то встречается?

Анжела безмолвно кивнула. Подняла руку, чтобы утереть лицо.

– С кем? С кем он встречается? – Джейн села напротив матери и поглядела ей в глаза. – Кто она, мам?

– С работы... – прошептала Анжела.

– Так у них же там одни старики.

– Она новенькая. Она... она... – Голос у Анжелы вдруг дрогнул. – Молодая.

Зазвонил телефон.

Анжела вскинула голову:

– Я не буду разговаривать с ним. Так и передай.

Джейн взглянула на дисплей определителя – номер был незнакомый. Может, и правда папа звонит. Только с ее телефона. С потаскушкиного.

– Детектив Риццоли, – рявкнула она в трубку.

И после короткой паузы услышала:

– Что, неважный выдался вечерок?

«Хуже не бывает», – тут же ответила она сама себе, узнав голос детектива Даррена Кроу.

– Что там еще? – спросила она.

– Плохо дело. Мы тут в Бикон-Хилле. Вам с Фростом тоже надо бы подъехать. Незавидная выпала мне роль – сообщать такое, но...

– Разве сейчас не твое дежурство?

– Думаю, теперь наше общее, Риццоли. – Голос у Кроу звучал, как никогда, мрачно, без тени свойственного ему сарказма. Он тихо добавил: – На сей раз жертва из наших.

Жертва из наших. Полицейский.

– Кто? – спросила она.

– Ева Кассовиц.

Джейн не могла вымолвить ни слова. Стояла, крепко сжав трубку телефона, и думала: «А я ведь видела ее всего несколько часов назад».

– Риццоли!

Джейн откашлялась:

– Давай адрес.

Она положила трубку и заметила, что Габриэль уже отнес Реджину в детскую, и Анжела теперь сидела, печально понутив плечи, с пустыми руками.

– Прости, мам, – сказала Джейн. – Мне надо идти.

Анжела сокрушенно пожала плечами:

– Конечно. Ступай.

– Поговорим, когда вернусь.

Она наклонилась поцеловать маму в щеку и только сейчас, вблизи, разглядела, какая дряблая у Анжелы кожа, какие потухшие глаза. «Когда же ты успела так постареть?»

Джейн защелкнула кобуру с пистолетом и достала из шкафа куртку. Застегиваясь, она услышала, как Габриэль произнес:

– Не самое подходящее время.

Она повернулась к нему. «Что будет, когда я тоже состарюсь, как мама? Неужели и ты бросишь меня ради какой-нибудь молоденькой фифы?»

– Я могу задержаться, – предупредила она. – Так что не ждите.

11

Маура выбралась из своего «лексуса» и ступила на заиндевелую мостовую – лед затрещал у нее под ногами, как разбитое стекло. Снег, подтаявший за день, когда потеплело, снова смерзся на пронизывающе-холодном ветру, который к вечеру усилился, и в многочисленных отсветах огней патрульных машин каждая пядь земли лоснилась, отливая коварным блеском. Маура увидела, как по тротуару, размахивая руками, скользит полицейский, силясь удержаться на ногах, и как у обочины протащило юзом фургон с бригадой криминалистов, так что тот едва не врезался в задний бампер припаркованной у тротуара патрульной машины.

– Осторожней там, док! – крикнул патрульный через улицу. – Один из наших тут уже навернулся. Думали, руку сломал.

– Могли бы и солью посыпать.

– Угу, – буркнул он. – Могли бы. Только кому это сейчас нужно – город уже давно спит.

– Где детектив Кроу?

Полицейский махнул в сторону стоявших в ряд элегантных частных домиков.

– Сорок первый номер. Это недалеко – через несколько домов. Могу проводить.

– Не стоит, я сама как-нибудь. Спасибо.

Маура остановилась, пропуская очередную патрульную машину, которая свернула за угол, чуть было не натолкнувшись на край тротуара. Она насчитала по меньшей мере восемь полицейских машин, запрудивших улицу.

– Понадобится место и для труповоза, а ему тут не развернуться, – сказала она. – Неужели всем этим машинам так уж необходимо здесь находиться?

– Да, необходимо, – бросил полицейский. Услышав такой тон, Маура оглянулась на него. В пульсирующих отблесках полицейских мигалок по его лицу пробежали мрачные тени. – Нам всем надо быть здесь. Мы перед ней в долгу.

Маура вспомнила тот ужасный вечер в сочельник – как Ева Кассовиц стояла на улице, скрючившись, и ее выворачивало наизнанку прямо на снег. Вспомнила она и то, как патрульные подтрунивали над слабой девушкой-детективом. Теперь она мертва, и насмешники притихли в скорбном почтении к павшему полицейскому.

Патрульный тяжело вздохнул:

– Ее приятель тоже.

– Полицейский?

– Да. Помогите нам поймать этого гада, док.

Маура кивнула:

– Постараюсь.

И двинулась дальше по тротуару, чувствуя на себе взгляды всех полицейских, конечно же заметивших, что она подъехала. Они узнали ее машину; да и кто она сама, они тоже знали. Маура видела, как они, похожие на тени, приветственно кивали ей, сгрудившись в кучку, и как изо рта у них валил пар, точно дым у курильщиков, собравшихся перекурить на скорую руку. Они знали и о трагическом поводе ее приезда, и о том, что однажды кто-нибудь из них тоже может стать объектом ее внимания.

Внезапный порыв ветра взметнул облако снега – Маура зажмурилась и опустила голову, пряча лицо от жалящих снежинок. А когда снова ее подняла, заметила человека, которого она никак не ожидала здесь увидеть. На другой стороне улицы стоял отец Даниэл Брофи и тихо разговаривал с молоденьким полицейским, привалившимся спиной к патрульной машине, как будто его ноги не держали. Одной рукой Брофи обхватил плечо другого полицейского, стараясь его успокоить, – тот припал к его груди, рыдая, и Брофи пришлось обнять его уже обеими руками. Остальные полицейские стояли чуть поодаль в неловком молчании, шаркая

ногами и потупив глаза, оттого что чувствовали себя крайне неудобно при виде столь бурного проявления горя. Хотя Маура не могла разобрать слов Брофи, она видела, как молоденький полицейский кивал. И слышала, как что-то отвечал сквозь слезы.

«Никогда не смогла бы работать так, как Даниэл», – подумала она. Куда легче резать мертвецов и распиливать кости, чем утешать в скорби живых. Даниэл вдруг вскинул голову и заметил ее. Некоторое время они смотрели друг на друга. Затем она отвернулась и пошла дальше – к дому, где на крыльце, отделанном чугунной решеткой, уже трепетала на ветру лента оцепления. У Брофи своя работа, а у нее – своя. Пора сосредоточиться. Однако, хотя она и старалась смотреть прямо перед собой, на тротуар, мысли ее возвращались к Даниэлу. Будет ли он еще здесь, когда она управится с делами? И если да, то что потом? Пригласить его на чашечку кофе? А не будет ли это поспешностью или проявлением слабости с ее стороны? Может, просто пожелать ему доброй ночи и пойти своей дорогой, как всегда?

«А чего я вообще хочу?»

Маура подошла к нужному зданию и остановилась на тротуаре, оглядывая изящный трехэтажный особняк. Во всех окнах горел свет. Кирпичные ступени вели к массивной парадной двери, на которой в отсветах декоративных газовых фонарей поблескивало медное кольцо. Несмотря на праздник, никаких украшений на крыльце не было. Этот дом был единственным неукрашенным строением на улице. Через широкие эркеры Маура заметила проблески пламени в растопленном камине – но ни одного рождественского огонька.

– Доктор Айлз?

Она услышала скрежет металлических петель и увидела, как кто-то из детективов распахнул боковую калитку из кованого железа. Это был Роланд Трипп, один из старейших полицейских в отделе по расследованию убийств, и сейчас он выглядел на свой возраст. Он стоял под газовым фонарем, отбрасывавшим желтоватые отсветы на его лицо, отчего кожа у него под глазами и на опущенных веках казалась еще более дряблой. Хотя на нем была просторная длинная куртка, он явно озяб, и говорил он, стиснув зубы, словно силясь сдержать их стук.

– Жертва там, с задней стороны, – сказал Трипп, придерживая калитку, чтобы она могла войти.

Маура прошла через калитку, и та со скрежетом захлопнулась. Детектив провел ее в узкий боковой дворик, подсвечивая дорогу пляшущим лучом карманного фонарика. После недавнего снегопада широкую кирпичную дорожку успели расчистить, и сейчас кирпичи были лишь слегка припорошены свежим снегом. Трипп остановился и указал лучом фонарика на низенький сугроб у края дорожки. Забрызганный чем-то красным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.